

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ГИБЕЛЬ ТЕМНОГО БОГА

В закоулках Мироздания - 3

16+

Юлия Маркова
Гибель Темного бога

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Маркова Ю. В.

Гибель Темного бога / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-5321-1073-1

Что таят в себе амазонские храмы? Как поступить с существами, найденными в подземных казематах? Кем на самом деле является храмовая поломойка? Много тайн предстоит раскрыть Серегину. Крепнут магические таланты героев, сильная и сплоченная команда идет к цели, постоянно пополняя свои ряды. Амазонки и nereиды, чертовки и античные богини – все они готовы служить своему командиру. Отряд Серегина растет, превращаясь в маленькую армию. Грядет решающая битва со злом, но херр Тойфель, отродье Сатаны, не желает так просто отдавать власть над этим миром, требуя все больше кровавых жертв. Удастся ли одолеть нечистого и спасти народ тевтонов?

ISBN 978-5-5321-1073-1

© Маркова Ю. В., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть 9	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Часть 9

День десятый. Раннее утро. Капитан Серегин Сергей Сергеевич

В гости к Кибеле мы собрались всей честной компанией, как бы ни было жалко всего бросаемого имущества. Лучше я буду рисковать потерей барахла и скотины, чем жизнями людей, пусть даже таких никчемных с моей точки зрения, как местная латинская деревенщина, благо места в штурмоносце вполне хватало для перевозки всех двуногих. Если будет потом такая оказия и все кончится успешно, то в несколько рейсов мы перебросим в район новой дислокации и все наше барахло вместе со скотиной. А если нет, так оно нам и не понадобится, ибо вечная нам будет слава и такая же память.

По словам юной амазонки Агнии, основную опасность для нас будет представлять отряд греческих наемников из местного Коринфа. Судя по описанию Агнии, по вооружению это типичные греческие гоплиты, а по менталитету – обычное скотское жлобье, служащее тому, кто больше заплатит, и выполняющее любые приказы нанимателя – но лишь до тех пор, пока не создастся реальная угроза собственным задницам. В таком случае эти типы его бросят и будут искать более безопасную службу.

С одной стороны, звучит это очень привлекательно, а с другой стороны, нахрена нам вообще сдались поблизости живые и здоровые наемники, тем более, что Агния особенно педалировала вопрос об их противоестественных сексуальных наклонностях по отношению к маленьким девочкам и мальчикам, которых они называют молодым мясом. Я посмотрел на полулежащую на носилках Птицу, и та только коротко кивнула головой, что означало, что Агния не врет. После этого судьба наемников была решена. Скоротечную десантно-штурмовую операцию «Факел» эти мерзавцы пережить не должны.

Отдельное слово о нашей Птице, в миру Анне Сергеевне Струмилиной. Она удивительно мужественный, стойкий человек и хороший товарищ, несмотря на всю свою кажущуюся хрупкость, женственность и штатскость. Она немедленно вернулась к своим подопечным и связанным с ними делам, едва только прошел шок от нападения чудовищного зверя, в котором Док и Профессор уверенно опознали совсем уж древнюю тварь под названием амбулоцетус, земноводное, вроде аналога крокодила, хищное млекопитающее, являющееся предком всех современных китообразных. Кстати, эта тварь никак не могла быть современником ни гигантских хищных свинозавров-энтелодонтов, ни индрикотериев, соперничающих размерами с динозаврами – значит, Аполлоний должен был подсмотреть его в каком-то ином, еще более отсталом по времени мире. Но в принципе, это уже не важно, точнее, важно в том смысле, что других таких тварей в реке нет и быть не может, потому что и эта происходила совсем не отсюда.

Сама Птица, как уверяли Док и Лилия, уже шла на поправку и в скором времени на память от этого приключения у нее не останется даже шрама, хотя кусанные раны обычно трудно поддаются излечению. Маленькая богиня первой подростковой любви Лилия (а по совместительству врач-маготерапевт) это уверенно гарантировала. Так что Птица, пусть и на носилках, принимала участие во всех наших подготовительных мероприятиях и совещаниях. В первую очередь она еще раз обследовала психическое состояние юной амазонки Агнии – и признала ее полностью лояльной и годной к предстоящему делу. Но после формального подтверждения лояльности между нами состоялся еще один разговор тет-а-тет, поскольку речь шла о личных мыслях и желаниях Агнии, а к таким вещам после случая с Матильдой относились очень внимательно.

– Сергей Сергеевич, – сказала мне Птица, – самое интересное в том, что Агния хочет замуж. За кого-нибудь из вас, я имею в виду командирский состав отряда, вас лично, Змея или Дока... Конечно, замужество по-амазонски – это совсем не то, что мы обычно имеем в виду под этим словом. Просто она желает родить от кого-нибудь из вас ребенка, желательно

девочку, и рассчитывает на то, что я помогу ей организовать это дело, и при помощи магических манипуляций сделаю так, чтобы у нее родилась дочь с наилучшим из всех возможных генетическим набором. У местных богинь такие штуки получаются просто автоматически, они овуляцию способны вызвать по желанию, и чуть ли не вручную подобрать тот сперматозоид, который будет допущен к процессу оплодотворения. А я так пока не умею, и даже и не знаю, что сказать бедной девочке...

– Пойдите, Птица, – сказал я, – так она хочет уйти с нами в другие миры, как она говорила мне раньше, или остаться здесь и рожать ребенка? Третьего, знаете ли, не дано – и рожать, находясь в походе из ниоткуда в никуда, было бы для нее не самым разумным решением.

Птица покачала головой и с печалью посмотрела на меня.

– В нас, женщинах, – медленно произнесла она, – разума порой куда меньше, чем кажется на первый взгляд. Эти два желания существуют в ней параллельно, как бы на разных этажах, и даже не подозревают о существовании друг друга. Уйти с нами она хочет так же искренне, как и родить ребенка от одного из вас – тут нет никаких личных симпатий или сердечных привязанностей, один только расчет на то, что дочь от такого отца со временем займет достаточно высокое положение в храмовой иерархии, а также поможет с карьерой и самой Агнии.

– М-да, – удивленно сказал я, – век живи, век учись. Тут надо хорошенько подумать, но в любом случае доведите до девочки две вещи. Во-первых – если она уходит с нами, то никаких беременностей и родов до тех пор, пока мы не окажемся в таком месте, где она, оказавшись в безопасности, захотела бы остаться, выйти замуж и остепениться. Во-вторых – никаких беременностей и родов, пока она не станет достаточно физиологически зрелой для этого занятия. Никому из нас не хочется наблюдать, как мать нашего ребенка в муках умирает при родах только потому, что не была для этого достаточно зрелой. И пусть она не смотрит на Афину. Вот уж где рожательный агрегат в порядке, так уж это у нее. При такой ширине бедер и с таким накачанным прессом младенец выскочит наружу впереди собственного писка и даже «мама» сказать не успеет. Пока Агния состоит только из кожи, костей и вредного характера, то ни о какой беременности ни от кого из нас и речи быть не может. А появится поблизости кто посторонний с такими желаниями, так ноги переломаем и скажем, что так и было, ибо она теперь наша любимая сестра. Все!

Наблюдать то, как женщины делают карьеру при помощи рождения дочерей с «правильной» наследственностью, мне еще не доводилось, и Птице, кажется, тоже. Вот она – в смысле Агния – стоит, шмыгая носом, и смотрит на меня с обиженным видом. Ведь девчонка же еще совсем, господи, а мы тянем ее на войну и в такую авантюру, как поход по множеству миров. И все остальные амазонки в нашем отряде, как я понимаю, будут примерно того же возраста и степени посвящения, ибо посвященных боевых жриц храм нам не отдаст, и будет стопроцентно прав. Во-первых – перепосвящение в наши воины, коим является принятие присяги, не дает гарантию полной лояльности нашему делу, возможны взрывы от конфликта двух обрядов, вплоть до бунта и полного неподчинения. Во-вторых – критерии идеальных воинов у нас, и у храма все же разные, и из непосвященных учениц выпускного, так сказать, курса, вроде Агнии, мы отберем как раз тех, что сам храм пошлет в отход, направив охранять от разбойников караваны и пасти в степи стада. Совсем другие цели и задачи у нас и у храмовой гвардии – что, с моей точки зрения, даже к лучшему. Пусть оголтелые феминистки с садистскими наклонностями остаются в этом мире, а мы заберем девушек с более приемлемым для нас менталитетом, более гибких умом, раскованных, способных освоить основы воинской дисциплины, незнакомой амазонкам, и новые типы оружия.

Но это было еще впереди. А пока в предутренней тишине ребята надевают на себя и подгоняют по фигуре имперскую штурмовую экипировку. В ярко освещенном десантном отсеке штурмоносца слышны только тихое клацанье магнитных застежек и негромкие разговоры обменивающихся мнениями бойцов.

Мы, конечно, предпочитаем не обременять себя лишней тяжестью, но с «Ратником» нам работать приходилось, и мнение у нас о нем было положительным. Изделие же имперских мастеров для бойцов десантно-штурмовых подразделений превосходило «Ратник» по всем статьям, как и стандартное вооружение тамошних десантников превосходило и наши «Валы», и АКМСы, и американские М-16, и израильские «Галилы», на самом деле являющиеся незаконнорожденными детками «Калашникова». Ни тебе выхлопа, ни тебе вспышки выстрела, а трехграммовая стрелка, на тамошнем жаргоне именуемая «дротиком», со ста метров способна пробить не только рельс, но и препятствия посерьезнее этого.

Кстати, в составе ротного арсенала есть комплексы посерьезней, чем эти машинки – так сказать, персонального применения. Во-первых – положенный на каждое отделение электромагнитный аналог единого пулемета. Вес «дротика» пять грамм, максимальная начальная скорость – четыре тысячи пятьсот метров в секунду. Отдача только чуть сильнее, чем у «Печенег» – наверное, за счет того, что отсутствуют пороховые газы, которые и вносят в отдачу свою львиную долю. По одному на взвод имелись и аналоги нашего «Утеса», на ухватистых трехногих станках. Против такой машинки, разгоняющей восьмиграммовый «дротик» до пяти километров в секунду, наверное, бессильна и современная танковая броня.

Защита тоже впечатляла. Легкая и прочная композитная броня, по внешней поверхности покрытая мимикрирующей пленкой, автоматически изменяющей расцветку камуфляжа в зависимости от освещения и вида местности. Мышечные усилители и силовой каркас, в случае крайней необходимости позволяющие бойцу нести очень значительный груз или действовать в условиях высоких перегрузок. Встроенный в броню тактический раухер (компьютер) с русскоязычным аудиовизуальным интерфейсом и пакетом коммуникаций, позволяющим управлять подразделением на расстоянии – как голосом, так и с помощью текстовых сообщений и тактических знаков.

Кстати, прапорщик Пихоцкий сказал, что для амазонок, после некоторых усилий по перепрограммированию, интерфейс может быть переделан на койне, благо все храмовые ученицы обучены читать и писать на этом языке в объеме двухклассной церковно-приходской школы. И тогда мой командирский компьютер будет сам переводить на койне мои текстовые и аудио команды, и, наоборот, на русский – ответы моих будущих бойцов. Замечательная, между прочим, идея, и я попросил Андрея немедленно (разумеется после завершения дела в храме) заняться ее практическим воплощением, в качестве подопытного кролика взяв себе Агнию, а для помощи в переводе Диму Колдуна, который уже в полном объеме «считал» амазонский вариант койне из сознания той же Агнии.

И вот все вроде бы готово к делу, и на востоке уже пылает ярко-алая полоса утренней зари, подсвечивающая высокие перистые облака, превращая их в прекрасное розовое кружево. В такое время действительно хочется верить, что все в дальнейшем будет хорошо, что мы победим всех врагов, вернемся в полном составе домой и будем обласканы начальством – что, разумеется, далеко не факт моей будущей биографии. Осталось только хорошенько перекреститься и произнести краткую молитву, а затем отдать команду грузить в штурмоносец штатских, потому что мы отбываем.

* * *

Полчаса спустя. Капитан Серегин Сергей Сергеевич

На храм «Вечного Огня» мы обрушились в первых лучах восходящего солнца, подобно внезапным и зловещим ангелам мщения. В плане этот объект представлял собой прямоугольник внутреннего двора, строго ориентированный по сторонам света. С восточной стороны прямоугольного двора находился типичный парфенонообразный древнегреческий храм – с высоким цоколем, колоннадами, портиками, лестницами, треугольной крышей и прочими

атрибутами такого рода сооружений. С запада располагалось само святилище Вечного Огня – огромный естественный газовый факел, оцепленный кольцом двойных портиков, открытых со стороны двора и окруженных глухой стеной на всем остальном своем протяжении. Радиус этого круга составлял ровно один стадий – или сто семьдесят восемь метров.

С северной и южной стороны внутренний двор был ограничен глухими стенами, окаймленными портиками, очевидно, предназначенными для того, чтобы храмовые служители высокого ранга укрывались под ними от палящего солнца или же довольно частых в этой местности дождей. За стенами внутреннего двора, примыкая к ним вплотную, с южной стороны были сооружены три П-образных барака – самый близкий к храму занимали коринфские наемники, а два других выглядели необитаемыми, хотя совсем недавно во всех трех жила амазонская охрана.

Как следовало из данных капитана Волконской, теперь казармы действительно пустовали, а значит, за время отсутствия Агнии в храме произошли очередные изменения, в ходе которых местных стражниц полностью отстранили от несения службы. Ну что же, если никто не будет путаться у нас под ногами, так будет даже проще. С другой стороны, все это напоминало либо подготовку к перевороту, либо сам переворот, уже случившийся по факту. Очевидно, храмовый комплекс, расположенный в самом центре аномальной зоны с Местами Силы, планировалось передать новому владельцу, и, к гадалке не ходи, что это должен был быть херр Тойфель. Такой хороший бонус по магической энергетике сразу должен был вывести его на финишную прямую по установлению полного контроля над этим миром и превращению его в очередной вариант Инферно. Значит, мы тут вовремя и как раз к месту.

С южной стороны двора точно таким же образом были расположены три гостиницы для паломников, причем ближайшая к храму предназначалась для самых высокопоставленных гостей, а самая дальняя больше напоминала ночлежку для нищих, или казармы для рабов. Но на самом деле это, конечно, было не так, потому что от Агнии я уже знал, что доступ в гостиницы был только для свободных людей, а рабы непосредственно на территорию храма не допускались – даже в качестве жертв, поскольку Кибела, которой был посвящен храм, никогда не питалась человечиною.

Для рабов, скота, птицы и прочих храмовых нужд существовал хозяйственный двор, примыкающий к зданию храма с южной стороны. С северной же стороны был разбит довольно приятный сад – с аллеями, лужайками, беседками, в которых жрецы могли бы обсудить с паломниками их проблемы, взять их деньги и попробовать решить их вопрос магическими или дипломатическими способами. Тут же находился храмовый бордель, помогающий святому делу освобождения паломников от излишних для них денежных средств, и шлюхами в нем работали не низшие жрицы Кибелы, как это было ранее, а самые обыкновенные рабыни, которых за определенную плату в три рыночных цены можно было даже замучить насмерть, если вдруг попался паломник с такими извращенными наклонностями.

И хоть в том, старом мире, олимпийские боги поначалу тоже баловались человеческими жертвоприношениями, потом они все же остепенились, цивилизовались, и к настоящему моменту в этом мире оставался только один любитель резать беззащитных людей на алтаре, наслаждаясь их страхом и мучениями. Переполненные загоны для рабов, а также подземная тюрьма тоже наводили нас на определенные мысли о готовящемся перевороте. Передача храма такому новому хозяину наверняка должна была сопровождаться массовой резней. Ну а потом, когда херр Тойфель сядет непосредственно на источник силы, выбить его отсюда не получится ни у какой Кибелы, и даже тому, кто иногда говорит голосом отца Александра, придется подтягивать сюда свои главные силы. А нам оно надо? Предотвратить такой ужас куда проще, чем потом с ним бороться. Поэтому пора было начинать работать, и штурм-капитан Волконская стремительно повела машину на снижение, целясь опустить ее на брусчатку прямо в центр внутреннего двора. Но сперва требовалось кое с кем разобраться.

Первой пострадала казарма наемной охраны, к величайшему нашему удивлению оказавшейся глинобитной. Внутренний дворик казармы, обращенный на юг, как я уже говорил, был отделен от окружающей местности портиком в греческом стиле. В середине двора, как водится в таких случаях, колодец и коновязи с ни в чем не виноватыми коняшками. Поскольку уже было светло, то все служанки и рабыни, принадлежавшие наемникам, тоже выбрались наружу, и по женскому обычаю этих мест собрались вокруг колодца набрать воды и посплетничать, пока их господа изволят почивать. И это тоже было хорошо, потому что они уж точно не были виновны ни в чем таком предосудительном.

Подходящий к цели на малой высоте штурмоносец чуть опустил нос и почти в упор поприветствовал спящих наемников дуэтом из двух снарядов главного калибра, пришедшимся в перекладину буквы «П», где, по сведениям Агнии, располагались комнаты командира отряда, его помощников, а также всех десятников наемного отряда. Звук рвущейся рояльной струны, толщиной с буксировочный трос, облако глиняной пыли и разлетающиеся во все стороны деревянные обломки возвестили о том, что скоротечная операция «Факел» началась. Для местных это, наверное, выглядело как очередной пример прямого божественного вмешательства.

Уже находясь над внутренним двором храма (не путать с внутренним двором казармы), почти на высоте уровня земли, и приготовившись выбрасывать десант, штурм-капитан Волконская чуть повернула нос штурмоносца, и очередным залпом вдоль и чуть наискосок навывлет прошла правую ножку буквы «П», внутри которой спали рядовые наемники, в одно мгновение превратившиеся в разбрызганный по окрестностям кровавый фарш, а сама казарма – в изуродованные развалины с переломанными центральными опорными столбами и провалившееся крышей. Левая ножка осталась невредимой, так как по данным нашего главного инсайдера там располагались вещевые и продовольственные кладовки, а также каморки прислуги, которая спала отдельно, а перед господином появлялась только в тот момент, когда была ему нужна. Ни лошади, ни служанки совершенно не пострадали, если не считать сильнейшего испуга, временной глухоты и тика, ну и оседающей с небес мелкой, как пудра, глинистой пыли.

Но в тот момент, когда служанки только-только успели открыть свои шокированные рты, через кормовой десантный люк мы уже сыпались из штурмоносца прямо на брусчатку внутреннего двора. После того как десантирование было завершено, штурмоносец подпрыгнул на своих антигравитационных импеллерах на высоту десяти-двенадцати метров, приготовившись прикрывать нас огнем всех четырех своих оборонительных турелей.

А прикрывать, собственно, было уже почти нечего. Те немногочисленные наемники, которые находились на внешних постах в ночную смену, умерли прежде, чем смогли понять, что происходит. Где поработали турели со штурмоносца, а где и мы, грешные, испытывавшие новое вооружение на живых мишенях. Впечатления только сугубо положительные.

Еще были посты в сокровищнице, подземной тюрьме и в загонах для рабов, но по данным Агнии, дежурили там наемники попарно, и большой угрозы из себя не представляли, поэтому туда отправился Змей с Зорким Глазом, Арой, Беком и прикомандированной к ним Агнией с задачей снять охрану, доложить обстановку и без моего приказа ничего руками не трогать. А я с отцом Александром, тоже надевшим полную экипировку, но только без оружия, а также с Доком, Коброй, Бухгалтером и Мастером направился пощупать за теплое вымя того самого жреца-подлеца, с личности которого и начался такой правильный и своевременный замысел вычистить этот зловонный гадюшник.

Охраны там не было – очевидно, заднюю часть храма с внутренним двором, где проживала жреческая верхушка, лучше гоплитов в полном вооружении охраняла репутация этого места власти и нежелание местных служек вообще лишиться раз попадаться на глаза начальству. Стрелять по местным обитателям я своим запретил, от слова вообще. Ну то есть, только в самом крайнем случае, если есть угроза жизни. А то уж больно негуманное оружие у этих

имперцев. И как, скажите мне на милость, в случае чего, восстанавливать из кровавых брызг объект для тщательного допроса? Сам я достал из ножен меч Ареса – и он задержался в моей руке, а красные камни на рукояти тут же засветились тусклым светом. В этот момент я почувствовал, что меч был голоден и просил у нового хозяина, то есть у меня, человеческой крови. Но думаю, что он перебьется. Не собираюсь я пока никого резать, а если и соберусь пролить кровь, то обойдусь в этом деле и без его подсказки.

Поднявшись по ступеням ко входу в храм, я брезгливо, стараясь не поскользнуться на том что осталось от охранников, прошел через портик к дверному проему, дверей в котором уже не было, а был коридор, засыпанный дубовой щепой и обломками досок. Очередь из турели штурмомоносца не только уничтожила охрану, но и начисто, вдребезги снесла-разнесла саму дверь, так что теперь войти внутрь мог любой желающий, и не любой тоже. Вытянув вперед меч, я вошел внутрь, ожидая, что если там и есть какая магическая ловушка, то меч примет удар на себя и полностью его нейтрализует. Но ничего не произошло – значит, ловушки такого рода тут, где все было схвачено, за все заплачено, считались излишними. Сообщив штурм-капитану Волконской о том, что мы едем дальше, я сделал своим спутникам знак следовать за мной – и двинулся в мрачный, наполненный полумраком главный зал, в конце которого смутно угадывалась раскрашенная статуя, в масштабе три к одному, величественной черноволосой женщины в массивной зубчатой короне, стоящая на постаменте высотой почти в человеческий рост. Очевидно, это и было изображение самой Кибелы. Был бы с нами Колдун, так он смог бы сказать точно, но больше ничьей статуи в главном зале храма быть не могло, так что будем считать эту величественную великаншу Кибелой.

Схема прохода в жилые помещения храма была внесена в мой тактический раухер, и на блистере шлема заплесала голубоватая светящаяся стрелка, указывающая путь, а в ушах прозвучал вкрадчивый голос: «Обойди статую и иди прямо».

Действительно, стоило нам обогнуть постамент, как выяснилось, что он прикрывал собой дверной проем во внутренние помещения храма, из которого уже доносились звуки знатной такой суеты и паники. Ведь шваркнув по казарме наемников главным калибром, мы, конечно, вывели этих мерзавцев из игры раз и навсегда, но при этом еще и разбудили и переполошили всю местную публику. От удара двадцати килограмм, разогнанных до четырех километров в секунду, земля под ногами должна ходуном заходить как при землетрясении, повыбрасывая из постелей как местный бомонд, так и их слуг. С добрым утром, так сказать.

Меч в моей руке возбужденно завибрировал, а свет, исходящий от камней на гарде и рукояти, стал ярким, как будто внутри каждого из них зажглось по светодиоду. Очевидно, Арес обычно убивал своих врагов именно этим изделием сумрачных тевтонских мастеров, и сейчас оружие жаждало повторения банкета. Как бы этот меч теперь ненароком не убил кого-нибудь не того, что очень вероятно при таком его возбуждении, которое передается даже мне.

Миновав проем, мы очутились в широком коридоре, освещенном мерцающим светом развешенных на крюках вдоль стен масляных светильников. Тени и полутени метались запутанным узором, создавая мрачное ощущение клаустрофобии и тревоги, как в фильмах ужасов. Не хватало только специальной музыки. Сам этот центральный коридор был пустынен, но было видно, что он в нескольких местах пересекался с поперечными ходами, в которых, видимо, и находились дверные проемы, ведущие в комнаты.

Я покачал головой и, обернувшись, увидев, что Кобра приготовила к использованию заклинание огненного шара, и этот полуактивированный «апельсин» уже тлеет у нее в руке.

– Только не это, – поспешно сказал я, – похоже, все здесь, кроме несущих колонн – это только имитация камня из сухого дерева и штукатурки. Швырнешь тут свой шарик – и все это вспыхнет не хуже чем политое бензином. Так что лучшее не надо.

– Ой! – сказала Кобра и огненный шар тихо рассосался у нее в руке.

Вот что значит маг огня высшего разряда, пусть и плохо обученный. Колдун мне тут как-то говорил, что утилизировать обратно уже выделенную энергию – это чуть ли не самое сложное в магическом искусстве. Обычно маги попроще предпочитают разряжать оружие выстрелом, но Кобра не из того разряда, что «попроще», и я ею уже горжусь.

Когда мы подошли к первому перекрестку, в этой паутине теней откуда-то из-за угла прямо ко мне под ноги с писком метнулось что-то мелкое, одетое в подобие серого мешка с тремя дырками, и с воплем рухнуло передо мной на колени, прикрыв голову руками. Я едва смог удержать отточенную сталь, отчетливо дернувшуюся, чтобы ткнуть это мелкое и крысообразное, острием под ключицу и отвести его горячей крови. Никакой агрессии со стороны этого мелкого я не видел, да и вряд ли это мог быть кто-то из тех, кто был нам нужен – скорее уж, слуга самого низшего разряда, судя по размеру, возможно, что и несовершеннолетний. Хотя, если он голодал с самого раннего детства, то возможно, что и остался мелким и худым на всю оставшуюся жизнь. В этом жестоком мире все возможно, да и у нас там дома тоже далеко не все так благополучно. Есть места, в том числе и в России, где такое не только возможно, но и даже обычно, а вот Волконская говорила, что у них это полностью изжито, раз и навсегда. Хотя и в СССР вроде тоже это было изжито, а потом возродилось и расцвело пышным цветом.

Взял я этого мелкого за шиворот левой рукой – да так, что затрещала ветхая ткань – и рывком поставил на ноги, заглянув в лицо. Существо оказалось девкой, точнее женщиной, ибо при тщедушной плоскогрудой фигуре подростка, ее костистое лицо было покрыто мелкой сеткой морщин, а редкие светлые волосы были собраны в короткий крысиный хвостик. Если овечки херра Тойфеля были умильными, как фарфоровые куколки в своей юной дистрофической худобе, то тут голод и тяжелый труд чуть ли не самого рождения сделали из молодой еще женщины такой ужас, за который стоило сажать виновных на кол и сжигать на медленном огне.

Но пожалеть эту безымянную пока для меня женщину еще будет время, а пока нужно делать дело, и это дело для нас прежде всего. Если бы у меня была возможность ротой (а еще лучше батальоном) оцепить этот храм и не спеша посылать в нем всех крыс – то это одно дело. Совсем другое это то, что мы быстро и безошибочно должны взять всех главных фигурантов, не обращая до поры внимание на всех прочих.

– Где старший жрец Терресий? – тихо сказал я ей на койне прямо в ухо, при этом отведя острие обиженно звенящего меча чуть в сторону, направив его вперед по коридору.

Во-первых, это было сделано для того, чтобы не нервировать женщину, постоянно косившую глазами на жаждущую крови сталь, а во-вторых – для того, чтобы, если оттуда на меня еще кто-то кинется, пока я веду этот разговор, то меч сделает свое дело, и тот несчастный сам будет виноват в своей смерти.

Женщина подняла на меня необычные для местных серые глаза и шмыгнула носом.

– Я проведу вас, ужасный господин, – так же тихо произнесла она, – и вы можете меня потом убить, и я не издам при этом ни звука, но только будьте добры при этом пообещать, что пощадите мою маленькую дочь...

М-да, как тут все запущено. Не зря мы сюда заглянули на огонек. Но если я начну объяснять этой женщине, что совсем не собираюсь ее убивать, то эти объяснения могут затянуться надолго, а нам сейчас этого не надо. Добыча может за это время улизнуть... Едва я это подумал, как справа от нас – примерно там, где должен был располагаться хоздвор – поднялась нездоровая суета, сопровождаемая звуками стрельбы из электромагнитного оружия. Очевидно, Змей добрался до своей цели и вовсю развлекался, заодно отвлекая внимание от наших скромных персон.

– Обещаю, что буду добр к тебе и твоей дочери, – сказал я женщине, – а теперь води, но только тихо. Ты идешь первая, мы двигаемся следом за тобой.

– Хорошо, ужасный господин, – снова шмыгнув носом, произнесла женщина, – но только постарайтесь двигаться потише, вы очень шумите.

Обернувшись, я дал своим знак, чтобы они шли за мной и соблюдали полную тишину, после чего мы двинулись за нашей проводницей – и только тени, отбрасываемые светильниками, дрожали на стенах и, забегая вперед, строили нам рожи. Как я уже знал от Агнии, в первом поперечном коридоре были двери в каморки слуг и кладовки со всяческим имуществом, а старшие жрецы, жрицы, их гости, а также вообще весь местный бомонд, обитали в роскошных двухъярусных апартаментах на дальнем торце храма, и их парадные двери (для господ) выходили прямо во внутренний сад, еще более роскошный, чем те зеленые насаждения, среди которых жрецы встречались с высокопоставленными паломниками. Но там, где есть парадный вход, там же должен быть и черный, для слуг и прочего персонала, вплоть до жрецов и жриц среднего ранга, которым не по чину проходить там, где ходят очень важные персоны. Ну мы их за это и накажем.

У самого поворота в коридор, который вел к черному ходу в апартаменты старшего жреца, прямо на нас выскочила худощавая женщина средних лет, в белом хитоне жрицы среднего ранга – и замерла как вкопанная, узрев нашу компанию. Точнее, первым делом она увидела нашу проводницу и осклабилась на нее с каким-то садистским выражением на изрядно потрепанном жизнью лице. Явно «редиска» – нехороший человек.

– Анастасия, а ты что здесь делаешь? – прошипела жрица, и тут же осеклась, очевидно наконец разглядев в полумраке за спиной проводницы наши закованные в штурмовые доспехи фигуры. Но едва она широко раскрыла свою пасть, как из-за моей спины вылетел маленький, примерно с вишню, сияющий голубым светом шарик и долбанул жрицу прямо в лоб над переносицей. Неяркая вспышка сопровождалась тихим треском, как при коротком замыкании, потом хлопнуло, будто лопнула электрическая лампочка, запахло озоном, после чего жрица оцепенела, закатила глаза – и там, где стояла, без единого звука, мешком осела на каменный пол.

Обернувшись, я увидел, как Кобра смущенно пожимает плечами, словно она здесь совсем ни при чем.

– Это такое заклинание, – шепотом сказала она, – вроде тазера. А то у меня все такой мощное, что испепелить кого-либо я могу, а вот взять живым нет – вот и пришлось попросить Колдуна научить чему-нибудь простенькому из смежной магии. Он сказал, что клиента должно вырубить на час-полтора.

Док прошел вперед, нагнулся, и рукой в перчатке с обрезанными пальцами потрогал у жрицы жилку на шее. Кстати, мы носим почти такие же перчатки. Может быть, и в самом деле когда-то какие-то из наших коллег провалились в прошлое и хорошенько в нем поучаствовали, сохранив в России монархию, причем довольно странную монархию, с социалистическим уклоном.

– Полный пипец, Кобра, – сказал тем временем Док, обтирая кончики пальцев об хитон жрицы, – ты сколько энергии накачала в этот свой магический тазер, что от него мозги у бабы, должно быть, просто испеклись? Тщательнее надо быть и осторожнее. Если бы ты просто, без затей, въехала ей кулаком в лоб, то шансы выжить у нее были бы гораздо больше.

– Извините, мальчики, – потупившись, сказала Кобра, – я исправлюсь.

– Ладно, – мотнул я головой, – идем дальше. Но только без неожиданностей.

– Хорошо, – сказал отец Александр, – если надо будет кого-нибудь парализовать, то это дело я возьму на себя. Убивать для меня негоже, а вот погрузить человека в сон – это вполне приемлемо.

И мы пошли. Кстати, я запомнил имя нашей проводницы, хорошо запомнил. Пусть Анастасия считала, что ее убьют сразу же, как только закончится дело, но вела она себя очень спокойно и стойко. Надо будет потом подумать, чем бы ее таким вознаградить, и уж точно я ни за что не подумаю ее убивать. Внешность, как говорится, бывает обманчива – и сейчас я проникся к этой маленькой и очень стойкой женщине настоящей симпатией.

Сразу скажу – помощь отца Александра нам понадобилась, но совсем не для того, для чего предполагалось в начале. Сперва мы свернули в боковой коридор, а потом, отодвинув в сторону занавес, прошли через задний ход для слуг – узкий, темный, пыльный и заставленный каким-то барахлом. И вот перед нами еще один занавес – тяжелый, парчовый, хорошо скрадывающий звуки, но все равно из-за него доносятся возбужденные высокие голоса, которые могут принадлежать или женщинам, или, к примеру, евнухам.

– Он там, – говорит Анастасия и неподвижно замирает, закрыв глаза.

Наверное думает, глупенькая, что я сейчас буду ее убивать. Но вместо этого я отстраняю ее в сторону и назад, а сам отодвигаю в сторону занавес торжествующе звенящим мечом Ареса – и делаю шаг вперед.

Короче, картина маслом... Здесь, в этом роскошно обставленном помещении, пропахшем приторным запахом пудры, мужских духов, вина и человеческого пота, находятся трое – нет, четверо. Во-первых – худая, длинная как жердь, баба в белом хитоне с широкой красной полосой по подолу, обладательница такого длинного и тонкого носа, что кажется, на него можно вешать шляпы. Стерва еще хуже той, что Кобра неудачно приласкала в коридоре. Но важная стерва, занимающая в этом гадюшнике один из самых главных постов. Очень странно, что Агния не упоминала ни о какой длинной худой женщине. Потом надо будет разобраться. Одно, если эта баба вообще не из этого храма, и совсем другое, если Агния от нас что-то скрывает.

Во-вторых – маленький и толстенький мужик, в точно таком же одеянии с точно такой же красной полосой по подолу. У римлян красная полоса по подолу тоги обозначала сенатора, а здесь, скорее всего, это символ принадлежности к высшему жречеству. А вот это явно ни кто иной, как милейший Терресий – словесный портрет козла совпадает с оригиналом вплоть до последней запятой. Кстати, эти двое только что друг на друга орали – это их разговор на повышенных тонах – когда даже непонятно, кто и чего говорит – мы слышали из-за занавеси.

В-третьих – качок, похожий на гипертрофированного Шварцнегера, в отличие от остальных одетый в белый хитон «без знаков различия». Но почему-то мне кажется, что штаны, куртка и рубаха ему куда привычнее этих древнегреческих одеяний. И выглядит в них он неловко, и стесняют они его своей открытостью и отсутствием штанов. Точно так же выглядела Гретхен, когда ей наконец разрешили вставать с постели, а в качестве одежды выдали хитон. А это, значит, ее землячок, тевтон. Если тут действительно готовится переворот, то лицо это достаточно высокопоставленное. Не простой рыцарь, скорее всего, и даже не штандартенфюрер, а один из магистров. Ну, что же, достаточно приятная встреча. Будет о чем поговорить у огонька, после того как Птица наложит на него заклинание Правды.

В-четвертых – тот, кого я ни сразу-то и заметил, настолько органично он сливается со стеной. Не в смысле ее цвета или рисунка одежды, а в смысле рода занятий. Здоровенный, наголо бритый, накачанный еще сильнее тевтона смуглый мужик, явный бодигард, причем из худших. Скорее яркая декорация и видимость защитника, чем настоящий боец. Он профессионально безразличен к происходящему и ждет команды хозяина, без которой не пошевелит и пальцем.

Толстяк визжит и топает ногой, посылая своего пса в бой, но вот дальнейшее удивляет даже меня. Да, когда я входил в эту комнату – мой меч не ошибся. Его действительно тут ждала жертва. Когда эта гора мышц кинулась на меня, то мне даже не пришлось прилагать каких-то особых усилий. Меч сам дернулся, подправляя мою руку, и бодигард с разбегу насадил себя на вопящее в восторге острие. Меч выпил его жизнь до донышка, без остатка – и успокоился. Такое впечатление, будто страдавший от абстиненции алкаш принял внутрь сто грамм беленькой и тут же ему стало так хо-ро-шо-о-о-о-о!!! Он еще не пьяный, но вполне вменяемый, руки уже не дрожат и вообще с ним можно иметь дело.

Тевтон смотрит на мой меч и утвердительно кивает. Точно один из магистров. Вряд ли кто из простых рыцарей был в курсе – откуда у Ареса взялся этот меч. Страшное оружие – и когда он у меня в руках, с холодным оружием ко мне лучше не приближаться. Но тевтон спокоен как удав – и, кажется, я знаю почему. На указательном пальце его левой руки уже знакомый нам массивный серебряный перстень, из которого исходит такое же знакомое багровое сияние. И он как будто ждет, что сейчас сюда явится херр Тойфель и быстро наведет свой порядок. Но вместо херра Тойфеля через порог шагнул отец Александр и торжество на морде тевтона сменяется пропастью отчаяния. Против того, кто стоит за отцом Александром, херр Тойфель не пляшет, не стоит и пытаться.

– Доброе утро, – произнес я по-немецки, чтобы усилить эффект нашего такого помпезного появления, – ну что, не ждали, господи?

Женщина так и осталась стоять там, где стояла, открыв рот, толстяк грохнулся в самый натуральный обморок, а тевтон в ответ лишь молча скрестил на груди руки, выражая нам свое презрение. Ну и пусть выражает, все равно его игра проиграна.

В этот момент, после меня и отца Александра, в комнату входит Кобра – величественная как статуя самой Кибелы и хищная, как изготовившаяся к броску рысь. После этого у худой старшей жрицы натурально со стуком падает на пол челюсть, а следом и она сама падает перед Коброй на колени с криком:

– Пощади, госпожа!

Появлением Кобры впечатлен даже тевтон, она только мазнула по нему своим равнодушным взглядом – а он уже побежден и покорен, чего не удалось сделать вашему покорному слуге и отцу Александру. Возможно, что это из-за того, что он видит в Кобре силу дикую, стихийную и почти неуправляемую. Он даже не сопротивлялся, лишь перекосил морду от боли, когда Бухгалтер с Мастером завели его руки за спину и накиннули на запястья веревочную петлю, туго затягивая узлы. Ничего, так-то будет спокойнее. И перстенок у него Мастер изъяс, ибо ни к чему он ему совсем. Вслед за тевтоном связали и валяющегося в беспомощности толстяка. Кстати, у него тоже нашелся похожий перстень, но попроще, и, судя по всему, рангом пониже. Не знаю, что уж пообещал херр Тойфель старому кастрату, неужели восстановление мужского достоинства и утехи с молоденькими девицами – но картина становится абсолютно ясной. Ох и задолжала нам мадам Кибела, хорошо задолжала...

Самой последней в помещение тихонько вошла Анастасия. Не равная тут никому – ни победителям, ни побежденным, она скромно встала в уголке – в ожидании, пока мы ее наконец заметим и выполним свое обещание тихо и безболезненно отправить ее душу на встречу с предками. А вот фиг – будет жить и радоваться жизни, уж это я как человек и наследник силы бога Ареса могу обещать в полном объеме. Даже ее морщины и сильно потрепанный вид этому не препятствие. Насколько я понимаю, дело не зашло еще так далеко, чтобы с ним не могла справиться наша малолетняя богиня-хулиганка. Если кто не понял, то я имею в виду Лилию. И пусть Анастасия явно далеко не подросток, но мы уже знаем, что ради хорошего человека Лилия готова отступить на некоторое время от своих принципов.

Заметила Анастасию и Кобра, улыбнувшись ей своей особой улыбкой как лучшей подруге и махнув рукой, приглашая подойти. Ведь эта женщина была с нами в одном деле, пусть и не по своей воле храбро прошла его от начала и до конца, а потом не убежала, а стойко приготовилась вынести все то, что припасла для нее судьба-злодейка.

– Эй ты, – указала Кобра, на все еще коленопреклоненную старшую жрицу, – быстро метнулась, принесла по стулу мне и госпоже Анастасии. Бегом, я сказала, случайное отродье безумной вакханки и в дупу пьяного сатира.

И откуда Кобра только набралась таких премудростей на койне, но, как ни странно, это подействовало. Кобре даже не пришлось зажигать для профилактики на ладони огненный шар. Жрица вскочила на ноги, поклонилась и, метнувшись к стене, один за другим принесла два

древнегреческих стула клисмаса с выгнутыми ножками, мягкими сиденьями и жесткими спинками, а затем, согнувшись в поклоне, поставила их перед Коброй и Анастасией. Кобра величественно осмотрела стулья и кивнула Анастасии:

– Садись, сестра, – сказала она, опускаясь на один из стульев и показывая рукой на второй стул по соседству.

Та кивнула, явно с непривычки неловко опустилась на стул рядом с Коброй и замерла, выпрямив спину и не опираясь на спинку. Кстати, странно, с чего бы это вдруг Кобра оказалась столь много внимания и почестей какой-то храмовой служанке низшего разряда, судя по покрасневшим и распухшим рукам – поломойке, посудомойке или прачке. Надеюсь, что это делается не только ради того, чтобы позлить местный бомонд, но еще с какой-то скрытой и пока непонятной мне целью. Кобра девочка умная и прозорливая, и обычно знает что делает, а иначе какой же она снайпер. Или эта Анастасия не так проста, как кажется? То, что в настоящий момент она служанка в храме «Вечного Огня» – это одно, но внутри себя она может быть чем-то большим, в магических делах по статусу сопоставимым с нашей Коброй. В этом мире, где людей до сих пор открыто продают и покупают, возможно все, и из этого «все» и надо исходить, оценивая происходящие события.

Но не успели девушки поудобнее устроиться на стульях, как раздался хлопок, будто от невыровненного перепада давления – и прямо перед нами нарисовался еще один персонаж женского пола. Новая гостья ради разнообразия почему-то была одета в черный брючный костюм, расшитый золотыми драконами, вроде китайского. Ее голову венчала золотая зубчатая корона, а в левой руке она держала большой круглый бубен. Вид у нее был не девочки, как у большинства богинь, сравнительно недавно обретших бессмертие – но женщины в возрасте, в расцвете зрелой красоты. Черты лица не оставляли никакого сомнения, что статую в храме скульптор, знамо дело, ваял прямо с натуры. Одним словом, как и предсказывалось, нашу теплую компанию посетила сама Кибела, она же Великая Мать, она же Рея, она же Диндимена, она же Исида, и так далее, и тому подобное.

Увидев нас и тевтона, чужих мужчин в святая святых ее женского храма, женщина встрепнулась, осклабилась и крепче ухватила бубен, приготовившись ударить в него правой рукой. Отчего-то я знал, что, если это случится, то произойдет такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать – и для того, чтобы спасти свои жизни, нам придется сравнять этот храм с поверхностью земли, убив всех, кто здесь находится. Но положение спас отец Александр. Он шагнул вперед, подняв руку, и с ее ладони во все стороны полился яркий бело-голубой свет, затопляющий все вокруг.

– Остановись, сестра, – звучно произнес он, и Кибела замерла, изогнувшись с бубном, не в силах пошевелиться в этом беспощадном свете, с невероятной точностью высвечивающим все тайное и скрытое, и делающим это явным и очевидным.

Мгновение спустя все кончилось, с руки отца Александра прекратил литься свет, а Кибела опустила бубен и расслабилась, во второй раз обведя нас всех взглядом, на этот раз уже не разъяренным, а заинтересованным и изучающим, будто говоря: «И чего это я на вас сперва кинулась?»

Первой после этой ситуации пришла в себя Кобра, которая, поднявшись со своего стула, величественно отвесила Кибеле неглубокий поклон.

– Приветствую вас, уважаемая Кибела, – произнесла она, – вы извините – мы тут немного намусорили, но это исключительно с благой целью предотвратить угрожавшие вам тяжкие последствия. Можете убедиться в этом сами. Ваш старший жрец Терресий подготовил настоящий заговор с целью передать и этот храм, и прилежащее ему место силы огня во власть вашего врага херра Тойфеля, после чего мощь его умножилась бы многократно.

– Да, это так, – неожиданно произнес связанный тевтонский магистр, вскинув вверх голову, – Мы очень сожалеем о том, что из-за вмешательства пришельцев из других миров сорвался такой великолепный план. Но они еще об этом пожалеют...

Кибела осмотрела атлетическую фигуру тевтона с ног до головы, и с вожделием обли-зала язычком темные губы.

– Помолчи, красавчик, – с некоторым пренебрежением сказала она, – настанет ночь, и мы еще с тобой поговорим. Ночь – это мое время, так что времени на разговоры будет много-много. Но помни – не каждый любовник Великой Матери способен дожить до утра, ибо ее любовь – это боль, а ее боль – это любовь.

Сказав это, Кибела повернулась к валяющемуся в беспамятстве Терресию и пнула его в бок острым носком туфли.

– И так ты отплатил мне за мою доброту, мерзавец? – грозно произнесла она, – лучше бы я убила тебя тогда, как и прочих моих любовников! Но нет же, пожалела красавца, сохранила ему жизнь, только лишив мужской силы, и в награду за прекрасную ночь и великолепную дочь сделала его жрецом в своем храме. А он отплатил мне такой черной неблагодарностью, предав меня и сговорившись с моими врагами.

На половине этой тирады злосчастный Терресий пришел в себя и вцепился обеими руками в ногу Кибелы.

Пощади, госпожа, – завопил он, – я все расскажу, во всем покаюсь и сделаю все возможное, чтобы искупить свои прегрешения перед тобой. Умоляю, пощади! Я так хочу жить!

С выражением гадливости на лице Кибела немедленно пнула мерзавца прямо в жирное брюхо. Потом еще раз, потом еще. Короче, она пинала, а тот только подвывал, хватая богиню за ноги. Прекратила все это Кобра, до того молча наблюдавшая за разборками в Кибелином хозяйстве.

– Стул госпоже Кибеле, – произнесла она, обращаясь к пока еще старшей жрице, – и быстро, тварь.

Та метеором метнулась в соседнюю комнату и несколько секунд спустя показалась оттуда, с пыхтением таща даже не стул, а самое настоящее кресло, или даже трон – настолько массивным и позолоченным было это сооружение для восседания. Поставив его перед Кибелой, старшая жрица опустилась на колени и, склонив голову, произнесла:

– Прости меня, госпожа, ведь я не ведала что творила, а когда поняла, то было уже поздно тебя звать, потому что пришли чужие и сами исправили мой грех.

– Ты прощена, Ефимия, – благосклонно кивнула Кибела, опускаясь в кресло, – жизнь я тебе оставляю, в этом сомнений нет, но жрицей тебе уже не быть никогда. Нет тебе доверия. Остаток жизни ты проведешь в этом же храме, помогая по кухне на мелких поручениях – посудомойкой и поломойкой. В этом и будет заключаться твое наказание. Немедленно снимай одежду, приличествующую достоинству старшей жрицы, и удаляйся отсюда вон.

Потом, когда бывшая старшая жрица, заливаясь слезами, развязала пояс своего хитона и расстегнула застёжки на плечах, сбросив на пол дорогое одеяние и обнажив непрезентабельное, как у сушеной воблы, тело, через черный ход удалилась прочь, мадам Кибела соизволила вновь обратить внимание на нашу компанию.

– Итак, – деловым тоном произнесла она, – поговорим, господа?

– Поговорим, сестра, – согласился отец Александр, – к этому разговору мы стремились все те десять дней – с того момента, как очутились в этом мире.

– Это были очень бурные десять дней, – сказала Кибела, – в первую очередь я хотела бы знать, жив ли и здоров ли тот мальчик, которого я пригласила в этот мир из того, где он был не от мира сего?

– Так это благодаря тебе мы попали сюда? – удивился отец Александр, – а то я-то все удивлялся такому количеству истинно женских случайностей и невероятных совпадений.

– Это была не только я, – с улыбкой заявила Кибела, – мое желание касалось только мальчика, и никого более. Ту женщину, которая все время находилась с ним рядом, я не могла ощутить, поскольку в вашем немагическом мире ее талант крепко-крепко спал. Одновременно Аполлоний тянул к себе Воина, который нужен был ему для внутрисемейных разборок и последующей борьбы с одним из духов мирового зла. В то же самое время этот самый дух зла тянул к себе родственное ему отродье из вашего мира, а твой господин старался сделать так, чтобы это отродье никуда не ушло и полностью прекратило свое существование. В результате почти каждый добился всего, чего хотел, но у всех результаты были отягощены побочными явлениями и внезапными дополнениями. Остальное вы знаете. Теперь все же ответьте на мой вопрос – благополучен ли тот мальчик, которого я позвала в свои ученики?

– Мальчик вполне благополучен, – ответил отец Александр, – просто мы не рискнули брать с собой незащищенного ребенка на это опасное дело. Сейчас, когда порядок восстановлен, мы можем позвать его сюда. Мальчик тоже очень хотел с вами встретиться...

– Будьте так любезны, братец, – величественно кивнула Кибела, и я отправил Мастера и Бухгалтера встретить Диму Колдуна и провести его в эту комнату, тем более что шум общего переполоха уже стих и храмовые помещения затаились в ожидании грядущих перемен.

* * *

Бывшая посланница богини Кибелы и послушница храма «Вечного Огня», юная дева Агния

Мои бедные-бедные сестры! Когда наши друзья убили всех этих гадских наемников и ворвались в подземную темницу, они все были там, в клетках: обезоруженные, обнаженные и готовые к закланию. Произошло невиданное предательство – и те, кто должны были руководить нами в борьбе, сами встали на путь великого зла. Если бы я в тот момент могла добраться до этого мерзавца Терресия, то изрезала бы его своим мечом на тысячу маленьких кусочков, и это было бы правильно. Но Терресий был не один такой, и не надо валить все на наемников. Думаю, что, как говорит Серегин, вскрытие покажет все, как оно было – и в результате мы с сестрами накажем всех, кто причастен к этому безобразию.

Когда Змей приказал выпустить их из этих ужасных клеток, то мои несчастные сестры не сразу узнали меня в этой одежде, которая так похожа на одежду наших заклятых врагов тевтонов. Но потом они, наконец, поняли, что я все та же их подруга Агния и пришли от этого понимания в ужасное смущение. Ведь я выполнила задание богини, которое все они считали невыполнимым и более того – вернулась и привела им в помощь людей, которые в некоторых своих делах оказались сильнее богов, полубогов и героев прошлого. А они, оставаясь в родном храме, позволили поймать себя в западню, накормить снотворным зельем, обезоружить, раздеть, связать и изнасиловать. И эти скоты беотийцы проделали все это, конечно же, с величайшим удовольствием.

Слишком добр был Серегин, когда приказал убить наемников легкой смертью прямо во сне. Если бы этим командовала я, то мир бы ужаснулся моей величайшей жестокости. Хотя, как говорит богиня Анна, «Бодливой корове Бог рогов не дает» – какой жадный бог, хотя, наверное, это правильно. У каждого должно быть свое дело, и корова должна не бодаться, а давать молоко, как амазонка должна воевать с врагами своего народа, а не работать палачом.

Если рассказать моим сестрам все, то никто из них мне и не поверит, что их спасители, малые числом, истребляли невиданные полчища врагов, их командир вступил в бой с самим Аресом и победил его. От них убегал дух мирового зла, против которого бессильны все местные боги, среди них есть посланец божества огромной силы и доброты, чья победоносная воля ведет их от победы к победе. На их стороне ужасающая мощь, заставляющая как пушинку летать небесный корабль из тяжелого металла, а их оружие буквально разрывает людей на кро-

вавые ключья. Ну, было дело, отличилась и я сама, прибила могущественного бога Аполлонуса, который ради тайны оборотился в ужасное чудовище, да так и погиб от моего меча в своем зверином облике.

Служить таким людям, причем не в статусе бессловесных слуг, а в статусе полноправных соратников – есть высочайшая честь и ответственность. К тому же тех, кто пойдет с нами, ожидает увлекательное путешествие по самым разным мирам, в котором мы сможем встретить множество интересных людей и не совсем людей, а некоторых из них нам даже придется попробовать убить. Единственный минус в том, что тем, кто согласится на эту увлекательную прогулку, придется подчиняться приказам как самого Серегина и его помощников, так и тем нашим сестрам, которых он назначит нам в сержанты. У Серегина всегда только так, и иначе не бывает.

В результате те сестры, которые пойдут с нами и сумеют выжить, обретут невиданное могущество, и в придачу невероятную для амазонок свободу. С одной стороны, мы, конечно, полные анархистки и не терпим над собой никакой власти, с другой стороны, наша жизнь опутана множеством обычаев, правил и установлений, нарушить которые просто невыносимо для настоящей амазонки. Переход к Серегину означает отказ от всего этого и настоящий глоток свежего воздуха посреди ужасающей затхлости.

Я тут же принялась за пропаганду и агитацию, и в результате все семь сотен и два десятка моих сестер согласились участвовать в этом предприятии. Я знала, что Серегину столько было не надо, и сказала своим сестрам, что для выявления самых-самых-самых лучших кандидаток будут устроены дополнительные состязания. Только вот требования у Серегина к воинам очень необычные, и поэтому мои сестры должны быть готовы к тому, что последние станут первыми, а первые последними. Если первые найдут свое счастье, уйдя вместе с нами в поход по иным мирам, и они об этом не пожалеют, то последним будет лучше остаться в обновленной охране храма, чтобы верно и предано служить госпоже Кибеле. Каждому, как говорится, свое.

Кстати, о не совсем людях... Там же, в подземной храмовой темнице, отдельно и в стороне от моих сестер, мы обнаружили такое... точнее, таких существ, что даже Змей начал чесать у себя в затылке, что обычно для него является крайней степенью удивления. Представьте себе женщину, очень высокую женщину, выше богини Анны, выше Елизаветы Дмитриевны, выше Темной Звезды, выше даже большинства знакомых мне мужчин. Впридачу к тому у этой женщины мускулистая и грациозная фигура, пышные торчащие вперед груди, выпуклые полушария ягодиц над длинными стройными ногами, ярко-алая кожа, как будто ее только что обварили кипятком, длинный хвост с кисточкой на конце и небольшие рожки (вроде тех, что бывают у молодых коров), кокетливо выступающие из прически. К этой женщине странного вида прилагались три ее уменьшенные копии – похоже, дочери. Одна девочка – не такая крупная и мускулистая, как мать, была по виду примерно моей ровесницей. Еще одна стояла на пороге между детством и началом женского созревания. Третьей, самой младшей, по-нашему, на вид могло быть от пяти семи лет. Все четверо были без одежды, и у каждой на шее имелось по ошейнику из серого металла с надписью на неизвестном языке.

Ни по-нашему, ни на каком-либо понятном языке эти четверо не разговаривали, и поэтому расспросить их, кто они такие и откуда, не представлялось возможным. Единственное, чего удалось добиться – так это того, что эта женщина начала тыкать себя в грудь, произнося слово что-то вроде «демм». Непонятно было, это ее имя или так называются подобные ей люди. Ясно было только то, что, как сказал Змей, этих четверых хвостатых-рогатых породил какой-то очень отдаленный мир, где местное население не похоже на нас. Правда, при этом он добавил еще очень много непонятных слов, но я язык людей Серегина знаю еще очень плохо, и, как говорит девочка Ася-Матильда, разговариваю «как таджик на рынке», правда, каждый день у меня случаются улучшения, а так как я очень умная, то скоро научусь говорить так хорошо, что никто и не поймет, что я не соплеменница Серегина.

Потом Змей связался с Серегиним и начал с ним о чем-то разговаривать, а я терпеливо ждала, разглядывая этих краснокожих, а они в это время смотрели на меня и на Змея, и на его людей – наверное потому, что все мы были одеты очень непохоже на то, как одеваются люди в этом мире, а мир рогатых-хвостатых, наверное, такой дикий, что если там что и носят, так это только набедренные повязки. Вот я какая – еще совсем недавно (меньше дней, чем пальцев на обеих руках) думала, что мир существует только один, и именно в нем я и живу, а теперь пытаюсь представить себе то, как живут где-то рогатые-хвостатые люди – как друг друга любят, что едят на обед и какую одежду носят, когда жарко, и какую, когда идет дождь... Серегин и богиня Анна говорят, что это воображение – и когда оно есть, это лучше, чем когда его нет. А тут все наоборот. Если у тебя есть это воображение, то ты беспочвенный фантазер, а если нет, то надежный товарищ, на которого можно положиться.

Но долго раздумывать над этой темой мне не дали. Змей сказал, чтобы я вместе с Беком отвела всех этих рогатых-хвостатых туда, где находятся Серегин и жрец Единого, хотя, по моему мнению, тут будет более полезной госпожа Анна. Но моего мнения пока что еще никто не спрашивает, поэтому я вывела их всех четверых из клетки и вручила им хитоны примерно по размеру – для того, чтобы они смогли одеться. Ох и намаялась я с ними, пока они смогли кое-как, сикось-накось, завернуться в выданные им куски ткани. Ну не умеют эти рогатые-хвостатые дикари носить наши хитоны – еле удалось на пальцах рассказать и показать, как это надо надевать и застегивать. Как только всех четверых можно было считать кое-как одетыми, мы выстроились в колонну и пошли к покоям старшего жреца Терресия, который, как сказал мне Змей, теперь уже далеко не старший жрец, а подозреваемый в особо опасном преступлении, за что ему грозят такие наказания, как «кирдык», «пипец», а также «большая и малая токатумба». А самая маленькая девочка при этом так смешно семенила рядом с матерью, путаясь в своем одеянии, пока Бек не поднял ее на руки и не понес, как обычного человеческого ребенка. Он добрый – и это хорошо. Так он и донес эту мелкую до самых покоев бывшего старшего жреца.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Все страньше и страньше, сказала Алиса. Не успели мы чуть перевести дух после знакомства с той, кого тот, кто разговаривает голосом отца Александра, по-дружески называет сестрицей – как она, то есть Кибела, совершенно по-современному закинула ногу на ногу, после чего вздохнула и достала из кармана блузы коричневую пачку дамских сигарет «Филипп Моррис», вытащила оттуда одну сигарету, взяв ее в рот, а саму пачку протянула в сторону Кобры и Анастасии.

– Угощайтесь, дамы, – любезно произнесла она.

– Не курю, уважаемая, и вам не советую, – отказалась от сигареты Кобра, а Анастасия в ответ только отрицательно замотала головой.

– Зря, зря, – усмехнулась Кибела, убирая сигареты в карман и доставая оттуда зажигалку, – Одно из преимуществ богини как раз и состоит в том, что ей доступны многие человеческие слабости, без обычных для смертных тяжелых последствий.

– Например, слабость убивать своих любовников? – усмехнулась Кобра в лицо Кибеле как равная равной.

– Ну, – ответила Кибела, выпустив в сторону от нас длинную струю дыма, – равного мне мужчину невозможно найти по определению, а низшие, хоть один раз получив доступ к телу, становились такими надоедливыми попрошайками, что я просто не знала, куда от них деваться. А без мужчин мне никак нельзя. Без них не рождаются мои дочери, без них скучна и уныла моя жизнь. И вот ведь что самое интересное – все заранее осведомлены, чего стоит ночь любви у богини Кибелы, но это никого от нее не отравило.

Более того – желающие доставить мне удовольствие, зачать мне очередную дочь и умереть выстраиваются в очередь, записываясь в нее за много лет вперед. А как же иначе, ведь очередного любовника я призываю к себе один раз в олимпиаду, и думаю, что многие будут недовольны, когда вместо очередного писаного красавца, жаждущего смерти в моих объятиях, я призову к себе это, случайно попавшее в мои сети тупое воплощение грубой физической силы, которую несомненно должна будет унаследовать моя и его дочь. Грядет ужасное время решающей схватки со злом, и грубая физическая мощь среди моих дочерей совсем им не повредит. Не так ли, мой дорогой мужчик?

Лицо тевтона перекосила гримаса омерзения и какой-то внутренней ожесточенности.

– Мне отвратительна сама мысль, – выбрасывая слова вместе со слюнями, пролаял он, – что я стану отцом мерзкой полукровки – неуправляемого, злобного, ужасного и отвратительного существа, которого по нашим расовым законам просто не должно существовать... Я жалею о том, что больше не имею силы, способной призвать сюда моего господина, для того чтобы он пришел и учинил над тобою свой ужасный суд. Когда мы захватывали твоих девок после честной схватки в голой степи, было дело – мы не только насиловали их, связав по рукам и ногам, чтобы они даже не могли пошевелиться, но и, удовлетворив свое мужское естество, вспарывали им животы своими мечами, отдавая их души херру Тойфелю, чтобы они не смогли зачать и родить от нашего семени, как это повелевают делать наши расовые законы.

– А как же, – спросил я, – те шашни, которые вы крутите с некоторыми из амазонок, пошедшими по пути предательства своего народа? Какова будет их судьба в том, что вы называете Новым Порядком для этого мира?

– Кто ты такой, человек с мечом бога Ареса, – высокомерно спросил тевтон, – чтобы задавать мне, магистру фон Меллентину, такие глупые вопросы? Конечно же, они все будут уничтожены. Во-первых – потому, что принадлежат к низшей расе, а во-вторых – потому что предавший единожды предаст и еще раз, и от таких людей надо избавляться независимо от их происхождения.

В этот момент бывший старший жрец Терресий отчаянно завыл, наконец поняв, что все это время был всего лишь удобным дураком для людей, которые никогда и не собирались выполнять данные ему обещания.

– Ты спрашиваешь, кто я такой? – жестко усмехнувшись, переспросил я. – Запомни, дубовый тевтонский придурок, что я русский солдат, то есть – самый ужасный кошмар, который когда-нибудь преследовал тебя по ночам. Мои предки в сорок пятом году так отодрали твоих предков, что те сбежали от них в этот глухой и захолустный мир, а теперь уже мы пришли по ваши души, ибо вы слишком много о себе возомнили.

– Признаю, – стушевался фон Меллентин, – было такое дело. И скажу, что если у тебя в руках меч Ареса, то значит, ты надлежащий потомок своих предков. Но о каком сорок пятом годе ты мне говоришь, русский? Танковый корпус СС, которым командовал мой отец, был уведен в этот мир нашим господином в панике и хаосе сентября сорок третьего года, когда русская армия особого назначения прорвала фронт под Бреслау, за три дня марша с ходу форсировала Одер, взяла Дрезден, Хемниц и Эрфурт, оказавшись фактически в тылу у корпуса моего отца. Севернее на запад к Берлину через Одер рвалось еще одно такое же русское соединение. Корпус моего отца застрял на левом берегу Одера, оказавшись в глубокой щели между двумя наступающими русскими армиями, фактически в окружении, и был обременен толпами в ужасе спасающихся от русского нашествия беженцев. Именно тогда мой отец и принял от нашего господина то самое предложение, от которого было никак нельзя отказаться...

Нифига себе порезвились ребята, кем бы они там ни были! Интересно, что нужно было сделать, чтобы выйти к Берлину уже осенью сорок третьего? Но сейчас гадать об этом бессмысленно, удовлетворить любопытство можно только если добраться до летописей Ордена, не раньше. А пока думать об этом бессмысленно.

– Это не имеет никакого значения, – неожиданно ответил тевтону отец Александр. – У той войны было множество вариантов, но во всех из них победители из Антигитлеровской коалиции поднимали свои флаги над вдребезги раздолбанным Берлином.

Тевтон только икнул и умолк, а Кибела тем временем бросила презрительный взгляд на пресмыкающегося на полу Терресия, покачала головой, сбросила на него пепел с кончика сигареты и, глубоко вздохнув, произнесла:

– Только один раз я пощадила попавшего в мои объятия красавчика, сперва оставила его еще на одну ночь, потом еще на одну... Потом я решила его вовсе не убивать, и опытный хирург в моем присутствии отсек ему все то, что делает мужчину мужчиной. Сперва он услаждал мой слух своим нежным пением, и я называла его своим соловьем, а потом дала ему возможность стать жрецом в одном из самых могущественных моих храмов – и вы видите, к чему все это привело. Под удар попала не только часть моей силы, этот мерзавец чуть было не уничтожил не только нескольких моих дочерей, но и еще больше внуков, правнуков и еще более отдаленных потомков. В конце концов, если говорить честно, весь народ амазонок по женской линии так или иначе происходит от меня одной, поэтому за каждую свою дочь я готова разорвать любого обидчика на тысячу кусков. Так что вы зря беспокоитесь о несчастном тевтончике, пусть только сделает мне очередную дочь, а после того я заставлю его пожалеть обо всем, что он уже совершил и обо всем, что только собирался. Но хватит тут сплетничать о моей личной жизни, давайте лучше поговорим о делах, пусть только сперва подойдут мои девочки и заберут этих двоих в положенное для них место в уютной храмовой темнице...

– Э нет, госпожа Кибела, – твердо произнес я, – сперва этих двоих требуется как следует допросить, а то после ваших забав вопросы задавать будет уже бессмысленно.

– Какие же вы все-таки меркантильные существа, мужчины, – вздохнула та и затушила почти докуранный бычок об лысину Терресия. – Конечно, допросить их надо, но как мне потом развлекаться с моим тевтончиком, вы же приведете его в совершенно неработоспособное состояние?

– Ничего страшного не произойдет, – покачал головой священник, – заклинание Правды, в отличие от некоторых специфических медицинских препаратов, никак не влияет на мужскую потенцию, так что ваши интересы, сестрица, после этого допроса никак не пострадают.

– А что, – с хитрым выражением на лице спросила богиня, – у вас в команде есть маг, способный наложить такое сложное и редко используемое заклинание? По-моему, котелок с кипящим маслом и раскаленное железо куда надежнее разных там магических штучек-дрючек, против которых к тому же имеется множество различных контрзаклинаний...

– Такой маг у нас в команде есть, – ответил отец Александр, – только это не маг, а очень талантливая магиня разума – точнее, начинающая богиня, по имени Анна.

– Так почему же ее нет здесь, среди вас? – воскликнула Кибела, – я с радостью с нею познакомлюсь, для того чтобы обменяться опытом по самым разным вопросам и дать ей множество советов. Быть может, мы даже с ней подружимся?

– Она не может прийти, – сказал я, – потому что не далее как вчера подверглась нападению одного мерзкого негодяя и получила ранение в ногу. В настоящий момент она может передвигаться только на носилках, а у меня слишком мало людей для того, чтобы еще и носить с собой раненых. К тому же, до того как мы разобрались с местным начальством, тут было слишком опасно для незащитной женщины.

Глаза Кибелы сверкнули трудно скрываемой яростью.

– Надеюсь, – с нажимом произнесла она, – вы рассчитались с ее обидчиком, кто бы он ни был?

– Мы собирались, но не успели, – ответила Кобра, – это сделала одна из твоих дочерей по имени Агния. Помнишь, ты посылала ее к нам со своим посланием? Она и вогнала негодяю в затылок свой меч по самую рукоять.

– Так это просто замечательно, – всплеснула руками Кибела. – Агния действительно моя дочь в первом поколении, и я с удовольствием лично ее похвалю. Я очень рада, что она не только справилась с порученным ей заданием, но еще и совершила при этом разные дополнительные подвиги. Кстати, а кто был преступником, посмеив покуситься на вашу магиню Анну, и как вообще это могло случиться, когда она была окружена такими храбрыми и сильными защитниками?

– Этого негодяя, – снова ответила Кобра, – звали Аполлоний или Аполлонус, а напал он на Анну Сергеевну в тот момент, когда та отдыхала на берегу реки, опустив ноги в ее текущие воды. Для скрытности нападения он оборотился древним морским чудовищем и атаковал в тот момент, когда его никто не ждал. Именно тогда Агния вскочила ему на плечи и пригвоздила мерзавца через основание черепа к речному дну своим замечательным мечом. После этого мы предложили ей службу в нашем отряде и она, разумеется, тут же согласилась, ибо есть у нее желание покинуть этот мир, и вместе с нами отправиться в поход к верхним мирам.

– Зовите ее сюда и немедленно! – воскликнула богиня, – Она явно такая же непоседа, как и ее папаша, честное слово – мне даже жаль что пришлось его – ну, того... Кстати, я могу выделить носительниц, в смысле носильщиц, для того, чтобы они принесли сюда вашу Анну и тогда мы все теплой компанией сможем премиленько поболтать...

Я тут же связался со Змеем и попросил прислать ко мне Агнию, в ответ получив целую кучу новостей, которые будто специально ждали этого момента:

Во-первых – та новость, что вся амазонская охрана по факту сидела в темнице, приговоренная к жертвоприношению. Я одобрил решение Змея выпустить их под поручительство Агнии, но оружия пока не возвращать. Рано еще.

Во-вторых – та новость, что все они вызвались перейти к нам на службу. Идея Агнии со специальными испытаниями для всех желающих тоже была воспринята мною вполне положительно, потом надо будет подумать, кого и чем мы будем пытаться. Мне кажется, что в среднем подготовка у амазонок все же находится на высоте, поэтому надо будет привлечь Птицу и отца Александра к отбору наиболее близких нам морально-психологических типажей.

В-третьих – та новость, что в темнице, по соседству с амазонками, обнаружены... Змей долго мекал, телился и стеснялся, пока не выдал что-то вроде «четыре особи женского пола, чертовской национальности», и вообще это лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, а картинка с нашлемной камеры, спроецированная на забрало шлема, не вносила в дело особой ясности. Да, черти, точнее чертовки – почти такие, какими их малюют на картинках из адской жизни, но без свиных пяточков на лицах и раздвоенных копыт на ногах.

Задал вопрос Кибеле и получил в ответ недоуменное пожатие плечами. Не знает она. От бывшего старшего жреца Терресия удалось добиться, что этих четверых в «странных одеяниях» и магических ошейниках разезд амазонок поймал в степи после очередной магической грозы, но в связи с приближающимся переворотом докладывать по команде он не стал, а просто бросил женщин неизвестного вида в темницу в надежде на то, что его новый господин будет особо доволен такими экзотическими жертвенными овечками. Больше, мол, ничего он не знает и еще раз просит простить себя, засранца.

Обратился за консультацией к отцу Александру и получил ответ, что мир – точнее, группа миров, из которой может происходить это семейство – находится от нас так далеко, что это почти неправда. Короче, не его это территория – и все тут. Но адом и чертями, в нашем понимании, там даже и не пахнет, просто некоторые тамошние экстремальные путешественники-авантюристы создали в свое время тем мирам довольно дурную славу эпицентра зла.

Ну так и у нас, у русских, тоже кое-где дурная слава... И медведи у нас по улицам ходят, и чай мы под развесистой клюквой пьем, и наша «русская мафия» самая ужасная мафия в мире, и весь мир мы хотим завоевать, и вообще такие плохие, что пока какую-нибудь пакость истинно свободному Западу не сделаем, то спать не ляжем. И решил я совместить приятное с

полезным, приказав, чтобы вместе с Беком чертенок к нам сопровождала мадмуазель Агния. Поговорим, пообщаемся. Но сперва, особо указав я Змею, пусть он их во что-нибудь оденет. Если они не местные, то и отношение к наготу у них может быть примерно таким же, как и у большинства из нас. В любом случае, если это не прямой допрос врага, стоит сперва расположить к себе собеседника, а потом уже задавать ему вопросы. Но какое уж расположение, когда ты привык одеваться как лондонский денди, а тебя заставляют стоять голым перед незнакомыми людьми противоположного пола. К сожалению, на вопрос, куда делись те самые странные одеяния, Терресий ответить не мог, хотя с его точки зрения мы тоже одеты довольно странно и вызывающе. Но, по счастью, его мнения в этом вопросе никто не спрашивает, а всех остальных наш внешний вид вполне устраивает.

Едва только закончилось это дело, как Бухгалтер с Мастером привели к нам Колдуна – и тот, только поздоровавшись со всеми присутствующими, сразу же подошел к отцу Александру, из-за его спины настороженно поглядывая на Кибелу, тем самым наглядно показывая, какой этической и политической ориентации он придерживается. Нет, не быть Кибеле его первой магической учительницей – и она это тоже поняла.

Бухгалтера с Мастером, добавив к ним Дока, я тут же завернул обратно, попросив – хоть мытьем, хоть катанием – но обязательно доставить к нам на носилках Птицу. Ведь угрозой же ее получить травму в самый ответственный момент. Эти двое будут нести носилки, а Док их прикроет. Во-первых – Птицу хочет видеть Кибела, переговоры с которой сейчас очень важны, во-вторых – со своим талантом читать прямо в сознании она будет незаменима при разговоре с незнакомками, языка которых мы не знаем, а они не знают нашего. Кибела как услышала о такой способности, так от удивления чуть было не проглотила очередную сигарету. Странно это. Курит их она одну за одной, а в пачке они у нее никак не кончаются. Наверное, это какая-нибудь волшебная неразменная пачка, или вообще стопроцентная магическая имитация сигарет. Кто ее, Кибелу, знает.

Едва только Док, Мастер и Бухгалтер отбыли за Птицей, как вместо них прибыли четыре взрослых и очень злые сисясто-мускулистые амазонки. Но злы они были не на нас (хотя мужчины, захватившие храм, их явно сильно напрягали), а на бывшего старшего жреца Терресия и его нелегального гостя фон Меллентина. Вот их-то эти четверо и взяли под белые руки, потащив в ту самую темницу, откуда только что вышли сами. И правильно. Разговор у нас сейчас пойдет о серьезных вещах, и лишние уши нам тут не нужны, пусть даже уже завтра они будут сушиться на солнце.

Вскоре ребята принесли носилки с Птицей и аккуратно переложили ее на некоторое подобие мягкой кушетки, стоявшей тут же в комнате. Чертовки со своим эскортом пока задерживались, поэтому, когда Кибела и Птица обменялись приветствиями, мы могли наконец-то приступить к серьезному разговору в узком кругу, ради которого и затевалась вся эта операция по захвату храма. О том, что тут делается на самом деле, мы, собственно, не имели никакого понятия, и, промедлив мы еще сутки, случилось бы совсем нехорошо, и нам пришлось бы думать, как выбивать отсюда херра Тойфеля, уже плотно севшего на даровой источник энергии.

– Итак, – сказал я, – приступим. Сейчас у нас есть две задачи – одна главная, а другая основная. Во-первых – мы должны положить конец бесчинствам херра Тойфеля в этом мире, для чего нам необходимо чуть более сотни лояльных бойцов, пригодных к обучению, и в основном мы рассчитывали на почти обученных учениц этого храма. Во-вторых – нам требуется найти то место силы, в котором расположены порталы, научиться ими пользоваться и начать постепенный подъем назад в свои верхние миры. Мадам Кибела, что вы на это скажете? Мы хотим знать вашу точку зрения по обоим вопросам.

Кибела по привычке сунула было руку в карман блузы за своей неразменной сигаретной пачкой, но потом махнула рукой и добыла уже прикуренную сигарету прямо из воздуха.

– Знаете что, – задумчиво произнесла она, – первый раз за все время мой храм грабят с таким тактом, и в первый раз грабителям нужны не сокровища, а люди.

– Люди тоже могут быть сокровищами, – заметила Птица, – особенно если имеют развитый внутренний духовный мир, или обладают какими-либо особыми умениями и талантами.

– Все верно, милочка, – ответила Великая Мать. – Это я немного утрирую, но все же мне так не хочется расставаться с моими милыми девочками, которые действительно являются мне родными. Ведь я прекрасно понимаю, что вы дадите им в руки оружие только в том случае, если они принесут вам все положенные клятвы.

– Да, – подтвердил отец Александр, – это действительно так, сестрица. Если, конечно, ты признаешь перед нами свой долг...

– Да, я признаю свой долг, а потому вы возьмете из этого храма сотню моих учениц и ни одной больше... И все они должны пойти с вами добровольно.

– По нашему выбору? – быстро спросил я.

– Да, – немного подумав, кивнула она, – по вашему выбору из тех, кто сам выберет вас. Только, забрав их, вы покинете территорию храма и переместитесь в такое место, где вы не будете мешать жить нашему народу. Например, куда-нибудь на границу.

– Хорошо, – сказал я, – кажется, я знаю такое место, где есть все условия для того, чтобы спокойно подготовить уничтожение херра Тойфеля.

– И для этого вам хватит сотни моих дочерей?

– Да, хватит, – вместо меня ответил отец Александр, – чтобы добраться до филактерия, нам не придется пробиваться через стоящие на нашем пути огромные армии. Мы просто перелетим их сверху и повторим нечто подобное тому, что мы уже провернули здесь, только захват главного храма херра Тойфеля потребует куда больше бойцов, и подготовка их должна находиться на максимально высоком уровне.

– Ладно, – богиня хлопнула ладонью по подлокотнику своего трона, – я же не возражала, просто выражала сомнение. Окончательно оно развеется, только когда вам удастся уничтожить этого уroda. Как только вы выполните задачу, то мы тут же поговорим с вами и о второй части плана. Поверьте, у меня нет никакого желания задерживать вас в этом мире – и я всегда выполняю свои обещания. Уничтожив херра Тойфеля, вы действительно получите доступ к месту силы с выходными порталами. А сейчас позвольте оказать вам еще одну услугу...

С этими словами она поднялась со своего трона, сделала несколько шагов и, оказавшись рядом с ложем, на котором возлежала Птица, склонилась над ее ногой. Что она там делала, я не видел, только чувствовался плещущийся совсем неподалеку мощный магический поток, который, должно быть, и излечил нашу Птицу, потому что сразу после этой операции она поднялась с кушетки и прошла по комнате без всякого следа хромоты, впрочем, потом вернулась к кушетке и снова на нее легла. Когда еще получится понежиться на таком мягком и уютном ложе...

Как только это было сделано, почти сразу за занавесью со стороны черного хода раздались звуки шагов и голоса – Агнии, Бека и еще незнакомые, говорящие на языке, который нам был более чужд, чем китайский. Это к нам вели очередную загадку этого дня...

* * *

Зул бин Шаб, в недавнем прошлом не наследная принцесса Дома Заоблачных Высей, а ныне бесправная изгнанница в мирах бесхвостых и безрогих варваров

Причиной моего бедственного положения стал мой младший дядя Абр бен Ракам, (раздери его Азраил на тысячу кусков) – он сверг с трона и убил моего старшего единоутробного брата по имени Гар бен Шаб, который проправил всего несколько часов, а саму меня сослал туда, где я, вместе со своими несчастными дочерьми, стала игрушкой на потеху диким и неот-

санным бесхвостым и безрогим варварам. Вся моя проблема и беда заключалась в том, что пока был жив наш добрый старший дядя Зал бен Ракам, у меня никак не получалось родить моему любимому единоутробному брату племянника, который мог бы унаследовать его трон. Все мои трое детей были девочками и, может быть, одному из моих многочисленных любовников когда-нибудь удалось бы зачать мне сына – ведь я дама весьма знатная, красивая и обаятельная, блистающая в обществе и принятая при императорском дворе. Моими партнерами в горизонтальных танцах, в коих я достигла истинного совершенства, были мужские представители лучших семейств Империи – как правящие персоны, так и их наследники. На меньшее я не разменивалась, ведь наследник у моего любимого брата должен был быть самым-самым лучшим.

Но тогда я не знала, что еще при жизни нашего старого правителя его младший брат, которого глодали зависть, ревность и жажда власти, уже подготовил заговор, предназначенный для того, чтобы отстранить от трона законных наследников, потомков своей старшей сестры Шаб бин Ракам, то есть нашей матери, и провозгласить правителем себя самого. В результате после смерти предыдущего правителя мой брат не правил и нескольких часов. Флаер, на котором он вместе с нашей матерью направился в императорский дворец приносить вассальную присягу, вдруг вспыхнул в воздухе и огненным комом рухнул на лачуги бедняцкого предмета.

В результате присягу императору принес мой злой дядя Абр бен Ракам (да покарает его Иблис). Меня же вместе с дочерьми схватила охрана, которая еще вчера всячески оберегала наши жизни, надела на нас специальные антимагические ошейники, чтобы обезопасить своего нового господина, и представила перед этим негодяем, чтобы он мог как следует насладиться нашим унижением. Ведь после гибели моего единственного брата и нашей матери я и мои дочери оказались в полной власти ненавидящего их тирана, и стали никем и ничем, похожие на гонимые ветром опавшие листья. Я уже приготовилась использовать свое предсмертное проклятие – последнее оружие, дарованное Всевышним знатым деммским дамам.

Если мы с дочерьми должны умереть, то этот негодяй еще несколько раз успеет об этом пожалеть – наше предсмертное проклятье штука весьма неприятная и долгоиграющая, способная дать пожизненные осложнения на карму, а его сила зависит от силы магического таланта, который у меня выше среднего; да и мои дочери, которые по очереди (кроме самой младшей) отучились в Высшей школе Огненных Ветров, отнюдь не жаловались на неуспеваемость по магическим предметам. Для того и нужны были антимагические ошейники, чтобы мы не могли превратить негодяя в какую-нибудь жабу или, хуже того, в червяка.

– Зул бин Шаб, мертвая дочь мертвой матери, – глумился надо мною мерзавец, – твоя жизнь кончена, и тебе даже не удастся использовать против меня свое предсмертное проклятье. Да-да, я не собираюсь убивать ни тебя, ни твоих девчонок, потому что без твоего брата и вашей с ним матери вы никто и ничто. Но и живыми вы мне здесь в доме тоже не нужны, поэтому я использую всю силу нашей семьи, над которой получил полную власть как новый правитель – и выкину вас из этого мира. Выкину так далеко, как это возможно – в те миры, где живут безрогие и бесхвостые существа, для которых вы будете всего лишь уродливой и страшноватой диковинкой, и откуда вы никогда не сможете вернуться назад. Могу дать тебе на прощание только один совет – постарайтесь найти себе быструю и легкую смерть, ибо тамошние жители, как и всякие дикари, могут быть весьма жестоки к тем, кто непохож на них обликом. А теперь прощайте, ваше время вышло и мы с вами больше никогда не увидимся.

После этих слов негодяя нас с дочерьми охватил сплошной черный кокон, и мы почувствовали, как проваливаемся через миры, вниз и куда-то в сторону, и понять, куда именно, было невозможно, потому что кокон вокруг нас был непрозрачен, и двигались мы подобно щепке, которую несет бурным потоком – в отличие от путешествий с туристической целью, когда все вокруг прозрачно и понятно, а движение осуществляется с умеренной скоростью и

по прямой – для того чтобы пассажиры во всех подробностях могли бы рассматривать миры, мимо которых они движутся. Полет наш и кувыркание в полном мраке продолжались долго.

Но вот наконец кокон со страшной силой налетел на какое-то препятствие и, остановившись, лопнул ключьями тьмы, после чего мы потеряли сознание и очнулись уже под покрытым белыми перистыми облаками бледно-голубым небом, а вокруг нас расстилось поросшее высокой травой бесконечное поле, с редкими одиночными деревьями. С одной стороны этого поля у самого горизонта были видны синеватые зубцы гор. Все вокруг было мокрым, как будто тут только что бушевал сильнейший ливень, и мы тоже были мокрыми с ног до головы.

Осматриваясь по сторонам, я поняла, что мы прибыли туда, куда и направила нас злая воля узурпатора. Это и был тот мир, в котором по воле этого злодея нам было предназначено умереть ужасной смертью. Поскольку у нас не имелось никакого выбора, а также багажа, мы просто поднялись на ноги, сняли с себя мокрую до нитки одежду и, свернув ее в узлы, обнаженными побрели вслед за уходящим на закат солнцем, потому что нам было все равно куда идти, лишь бы не сидеть на одном месте.

Остановились мы только в тот момент, когда уже полностью стемнело, расстелили свою одежду на траве, чтобы она за ночь просохла, а сами улеглись на теплую землю, прижавшись к друг другу. С этими антимагическими ошейниками мы не могли добыть в пустынной местности ни искры огня, ни крошки еды, ни капли воды. Очень тяжело быть существом, во всем привыкшим полагаться на магию, когда эту магию у тебя полностью отбирают. Недаром же у нас такие ошейники надевают только на самых ужасных преступников, которыми мы с дочерьми, конечно же, не являлись. Ночь прошла ужасно, в пустых животах бурчало, очень хотелось пить, к тому же к утру похолодало и мы все очень сильно продрогли, из последних сил стараясь согреть теплом своих тел нашу самую младшую дочь Сул. И даже одежда, которую мы разложили на просушку, снова оказалась мокрой, потому что на нее выпала утренняя роса.

Не успели мы подняться и двинуться дальше, в сторону, противоположную восходу, как были захвачены в плен вооруженной холодным оружием группой местных существ женского пола, сидевших верхом на быстроногих, грациозных животных. Нам дали поесть и попить, после чего отобрали еще скомканную одежду и связали за спиной руки. Чуть позже появились местные мужчины, грубые дикари, и, как оказалось, все ужасы нашего существования только начались.

Нас привезли в какое-то место, где было очень много местных, подобно нам рассаженных по клеткам – и подвергли изощренным издевательствам. Меня, например, прежде еще ни разу не насиловали, намотав на руку хвост. Могу сказать, что это очень больно и чрезвычайно унижительно. Наша с дочерьми необычность и незащищенность вызывала просто чудовищные приступы похоти у тех скотоподобных существ мужского пола, что охраняли это место скорби. Насилию подвергалась даже самая моя младшая дочь, которая была еще совсем ребенком. Видимо, узурпатор подобрал для нас по-настоящему дикое место – не удивлюсь, если эти скоты от нечего делать пользуют и друг друга, и своих животных.

Потом одним прекрасным утром все кончилось и настали перемены – для нас с дочерьми радостные и приятные, а для тех, кто нас мучил, не очень. Сначала земля два раза вздрогнула, раздались гулкие удары, а с потолка на наши несчастные головы посыпался всякий мусор. Все забегали и закричали, как это обычно бывает в случае, если кого-то настигает очень неприятная неожиданность – но все это было только началом последовавшего за этим веселья. Неожиданно суета наверху усилилась, и в крики отчаянья начали вплетаться такие звуки, будто кто-то часто-часто рвал басовую струну на арфе. Что-то вроде: «пиу-у-у», «пиу-у-у», «пиу-у-у».

Вскоре закричали и зашумели уже совсем близко от нас, в самой подземной тюрьме, после чего охранник, который сидел в нашем коридоре с клетками, потянул из ножен свой свинокол, другие узники ужасно закричали, а я обняла своих дочерей, стремясь то ли защитить их своим телом, то ли добиться того, чтобы нас убили всех вместе и сразу. Потом дверь в

наш коридор рухнула и из проема ударил луч неестественного ярко-белого света, вместе с которым раздалось то самое: «пиу-у-у», «пиу-у-у», «пиу-у-у», только звук был таким громким, что заболело в ушах. Охранник – это тупое скотское существо, которое не раз насиловало меня и моих дочерей – вдруг разлетелся в разные стороны кровавыми брызгами. Потом в коридор с клетками вошли ОНИ – три воина, с ног до головы закованные в некое подобие тяжелой полевой брони наших императорских гвардейцев.

Тут было нечто ужасно высокотехнологичное – но, как ни странно, я не чувствовала во всем этом ни малейшей частицы магии. Ошейник блокировал у меня только возможность использовать магические заклинания, но никак не влиял на способность видеть и чувствовать, как эти заклинания используются другими. Так вот – там вообще ничего не было, ни в каком виде. Даже прицельный комплекс вооружения был оптико-электронным и не включал в себя ни одного боевого заклинания, как и система управления доспехами, материал которых не имел магической защиты. Кроме того, я чувствовала, что внутри доспехов находятся существа, аналогичные местным аборигенам, однако они очень сильно от них отличаются, примерно так же, как отличаются разумные существа от умных животных.

Судя по тому, что они сразу же начали выпускать из клеток сидевших в них самок аборигенов, эти воины пришли сюда с какой-то освободительной миссией, что давало нам с дочерьми некоторую надежду на вполне благополучное разрешение нашего дела. Плохо было только то, что мы не понимали их речи, а они нашей. Их низкие рычащие голоса казались мне ворчанием разъяренных диких зверей, а наша речь для них, наверное, должна была казаться криками птиц, парящих в вышине. И никакой магии – в этом смысле стоящие перед нами существа находились на самом низшем уровне развития. В те же императорские гвардейцы берут как мужчин, так и женщин с уровнем развития магического таланта не ниже пятого, но желателен десятый-двенадцатый – а тут не было и второго. У меня у самой двадцать первый, и есть куда расти; но может быть, они не местные, а выходцы из каких-то миров, где магия крайне скудна или ее вообще нет. Слышала я такие страшилки в детстве. Тогда с горя еще и не такого наворотил, а не только безмагические боевые доспехи для воинов.

Они, немного посоветовавшись между собой, а также с кем-то, кто находился совсем в другом месте – один из воинов с кем-то разговаривал, прижав руку к уху, будто в ней находился связной амулет, но при этом я опять не почуяла никакой магии. Из какого же они мира, что их магия не способна даже на это, и они вынуждены полагаться исключительно на механику и электронику? Впрочем, несмотря ни на что, у нас еще оставалась возможность невербального общения, и мы ею воспользовались. Меня с дочерьми выпустили из клетки, при этом никто не дергал нас за хвосты и не пытался подержаться за рога. Очевидно, эти воины действительно происходили из намного более цивилизованного мира, раз демонстрировали обращение, столь отличное от принятого среди местных дикарей. Нас даже попытались одеть, но, сказать честно, я так до конца и не поняла, как надо правильно сворачивать тот кусок ткани, чтобы из него получилось нечто вроде ночной накидки. Обычно дома такие сложные вещи я надевала с помощью бытовой магии – там, не успеешь проговорить заклинание, как все уже готово, одежда сидит на тебе как влитая, и все складочки расположены на своих местах.

Наконец, с помощью меньшего из воинов (который оказался девчонкой примерно того же возраста, что и моя старшая дочь) нам удалось кое-как надеть на себя эти наряды и закрепить застежки, чтобы все это не сваливалось при ходьбе. Почему-то двум большим существам из этой троицы (которые, как я думаю, были мужского пола) было очень важно, чтобы мы предстали перед кем-то полностью одетыми. Соблюдение приличий – это тоже признак цивилизации, или я ошибаюсь?

И вот, когда мы были уже одеты, один из воинов-мужчин показал нам знаками, что мы должны пойти вслед за ним – и мы пошли, выстроившись гуськом: впереди воин-мужчина, за ним я, потом моя старшая дочь Альм, за ней моя средняя дочь Тел, за ней самая младшая дочь

Сул, а самой последней – мелкая самка-воин, которая все время фыркала на нас за непонятливость, пока мы пытались одеться в эти местные дурацкие одежды. Почему-то мне кажется, что она местная, и только недавно взята на воспитание высокоцивилизованными существами. По крайней мере, свойственное местным дикарям хамство так и лезет у нее отовсюду, при том, что она вынуждена сдерживаться в присутствии старших существ, не одобряющих таких действий.

Моя младшая дочь Сул бин Зул, не привыкшая долго ходить, устала и принялась хныкать и капризничать. Мелкая самка-воин неодобрительно на нее заворчала, и я уже ожидала наказания с ее стороны, но тут большой воин остановился, повернул назад и, обогнув меня и двух моих старших дочерей, подошел к младшей и легко, как пушинку, поднял ее на руки, даже не используя увеличивающие силу заклинания. Тьфу ты, о чем это я? Вместо заклинаний в его доспехах используется механика и электричество, но все равно ничего такого он даже и не думал применять. Настоящий тренированный воин, не то что некоторые наши изнеженные аристократы в...надцатом поколении и книжные черви из Лицея и Академии. Нет, пару своих сеансов горизонтальных танцев я а бы этому весьма галантному и привлекательному существу мужского пола вполне могла бы предоставить, пусть он даже и совсем не моего вида.

И вот мы пришли в роскошное, по-варварски обставленное помещение, в котором, в противовес рядовым воинам, находилось столько сильнейших магов, что у меня зарябило в глазах и голова пошла кругом. Во-первых, женщина в черном брючном костюме – как у наших жриц Азазели, на голове ее золотая корона с квадратными зубцами. Выражение ее лица было таким властным, магический ореол над головой таким плотным, а окружающая ее аура так насыщена силой, что сразу становилось понятным, что это местное женское божество, рангом ничуть не ниже нашей Великой Матери Азазели. У меня аж волосы на голове между рогами встали дыбом и зашевелились, когда я ее увидела.

Но она была не единственным источником магической силы в этой маленькой комнате. Еще одна женщина, с перевязанной ногой, одетая в грубую клетчатую рубашу и желтовато-коричневые штаны, возлежала на ложе напротив первой богини, буквально глаза в глаза. Она была если и слабее женщины в золотой короне, то очень ненамного. Просто ее сила была совсем другой и распространяла вокруг себя не требующую повиновения властность, а любовь и сострадание ко всем вокруг, и сила эта воистину была больше, чем у любого из наших магов. Просто было видно, что женщина эта еще весьма неопытна и не умеет использовать свою силу в полном объеме.

В этот момент воин-мужчина, который нес на руках мою малышку, поставил ее на ноги и Сул вдруг протиснулась между нами и подбежала к ложу, опустившись рядом с ним на колени и попросив благословения у этой женщины. Рука женщины погладила мою маленькую дочь по волосам, аккуратно обходя маленькие, только прорезающиеся рожки. По густым нежно-розовым потокам силы, исходящим с ее пальцев, я могла видеть, что она действительно дарит ребенку свою ласку и благословение, а не совершает эти движения чисто механически. Потом ее пальцы коснулись серого металла антимагического ошейника, стягивающего горло моей доченьки – и тот вдруг рассыпался серой невесомой пылью, отчего я застыла, открыв в удивлении рот. Изделие одного из сильнейших магов нашей империи, которым по праву считался мой злой дядя, не устояло перед единственным касанием силы, наполненной любовью и состраданием к маленькому ребенку. Почувствовав, что ошейник исчез, моя дочь вскинула голову и засмеялась, будто хрустальный колокольчик, а потом с истинной любовью обхватила двумя своими ручонками руку этой женщины и прижалась к ней своей щекой, а та второй рукой гладила ее по волосам.

Неожиданно Сул вскочила на ноги, подбежала к нам и, схватив за руку, потянула за собой мою среднюю дочь Тел бин Зул – и никто ей в этом не препятствовал. И чудо повторилось снова – ошейник, который должен был противостоять самым могущественным магам, без следа рассыпался под пальцами этой женщины, что, несомненно, лишнее доказывало ее божествен-

ность. Правильно. Отнюдь не все боги и богини должны иметь возможность сотрясать горы и вызывать штормы и ураганы, у некоторых могущество выражается совсем в других категориях. И пусть в нашем мире, сосредоточившемся на силе и власти, такая область магии, как любовь и очарование, не пользовалась особым почетом и разрабатывалась недостаточно, но никому не пришло бы и в голову сказать, что она не важна. Просто из-за культивирующейся среди высокопоставленных деммов жесткости и гордости занимались ею обычно всякие неудачники и маргиналы. По крайней мере, с нашей точки зрения.

Но когда уже Тел бин Зул захотела повести к этой женщине свою старшую единоутробную сестру и мою дочь Альм бин Зул, та уперлась, убрав за спину руки и отрицательно покачала головой.

– Нет, – сказала она, – я не пойду, и тебе, мама, тоже не советую. Это к младшим эта богиня относится с нежностью и лаской, видя в них детей, неважно какой они расы, а я уже не вызываю у нее таких чувств. Не надо напрасно унижаться в мольбе, прося того, что не может быть дано. Мы с тобой взрослые, мы справимся.

Я всегда знала, что у меня очень мудрая и сильная старшая дочь. Как жаль, что она не родилась мужчиной, потому что под ее управлением наш клан обязательно бы расцвел и усилился. Но источники силы, буквально бурлившей в этой комнате, далеко не исчерпывались этими двумя женщинами. Третья, почти что богиня, чьей стихией был оранжево-красный огонь, темноволосая и коротко стриженная, изящно откинувшись на спинку, сидела на стуле рядом с еще одной женщиной, невзрачной, как простая служанка, чуть в стороне от группы закованных в тяжелую броню мужчин, и была одета так же, как и они. Это были воины, не знающие ни жалости, ни сожаления, и она была им не только равна, но превосходила во всем, потому что для проявлений безумной ярости и разрушения ей совсем было не нужно оружие. Она сама была этим оружием, способная уничтожать целые армии и стирать с лица миров города. Правда, и живут подобные существа, которых в нашей расе считают детьми Азраила, очень недолго, но сколь короткой ни была бы их жизнь, о ней потом веками слагают легенды и поют песни. Нет, эта не пожалеет и не прижмет к сердцу, но если станет твоим союзником, то будет сражаться за тебя и вместе с тобой до самого конца – победы или смерти. А что еще надо бедной изгнаннице, лишенной не только дома или семьи, но даже и родного мира, возврат в который сейчас не представляется мне возможным... Да что там говорить, я ведь и сама такая, разве что не обладаю столь разрушительными магическими возможностями, приближающими ту женщину к божественности, и в отличие от нее не могу жить без страстных горизонтальных танцев, составляющих сущность любой знатной деммской дамы.

Прищуренный глаз, чуть заметный кивок... неужели она увидела, что мы с ней в какой-то мере одной крови – и признала это? Ведь путешественники из нашего мира какое-то время назад бродили по мирам бесхвостых, и некоторые оставили о себе довольно дурную славу; а другие, скрывая с помощью магии свою истинную сущность, прославились там, как величайшие герои. Могли же ведь они оставить потомство, которое через века пронесло в себе хмельную капельку нашей крови, потому что обычно бесхвостые-безрогие чрезвычайно серьезны – и погружены либо в повседневные заботы, либо в какие-то отвлеченные размышления.

Именно таким был пятый источник силы, присутствующий в этой комнате, и именно поэтому я его сразу не заметила. А может, он не был особо замечен только потому, что был всего лишь жрецом, лишь опосредованно представлявшим свое божество. Не знаю. Сила, исходящая от него, в зрительном восприятии имела бело-голубой цвет самых горячих звезд, и была такой же жесткой и безжалостной, как и у женщины, владеющей силой огня, и в то же время такой же чистой и доброй, как у той, что пожалела моих младших дочерей и освободила их от антимагических ошейников. Что-то такое мне в школе рассказывали об обладателях такого типа силы. Встречается она только у бесхвостых-безрогих и служит им чуть ли не глав-

ной расовой особенностью. Что-то с ней связано такое особенно ужасное именно для нашей расы, которая любит пошутить и иногда эти шутки далеки от невинности.

Вспомнила! В ответ на шутки наших туристов носители именно этого типа силы, являющиеся аватаром нашего самого опасного и самого древнего врага, ловили их, забивали дубьем и сжигали живьем на площадях своих городов, не брезгуя при этом и своими соплеменниками, которых объявляли пособниками наших путешественников. Именно поэтому мы почти прекратили посещать те миры, в которых правило это божество, стараясь пребывать в них очень недолго и под большим инкогнито. А то кому же хочется за просто так гореть на костре...

Вот тут я по-настоящему испугалась, сильнее даже, чем тогда, когда мой злой дядя вышвырнул нас с дочерьми из родного мира. Тогда возможность выжить, и даже подняться среди местных, была, а вот сейчас ее не было совсем. Аватар божества явно был своим среди воинов, носил такие же доспехи, разве что без закрепленного на них оружия, и те по его слову сделают с нами все что угодно, и женщина, несущая добро, не сможет ничего возразить, потому что в глазах таких, как этот суровый мужчина, все мы, деммы – бездушные исчадия хаоса, приносящие зло в миры, населенные бесхвостыми-безрогими, и молить о пощаде и снисхождении просто бесполезно. Я уже подумывала о том, чтобы перед тем, как всех нас убьют, справить прямо под себя большую и малую нужду, чтобы хоть этим в прямом смысле нагадить своим палачам – но оказалось, что и в этом случае я жестоко ошиблась.

– Молить о пощаде и снисхождении, уважаемая Зул бин Шаб, – неожиданно сказал носитель той ужасной силы, – имеет смысл всегда. Тем более что на тебе нет никакой вины, за которую ты могла бы понести ответственность. Конечно, отдельные представители вашей расы склонны совершать некие поступки, из-за которых за вами закрепилась дурная слава, но надеюсь, у тебя хватит благоразумия избегать ваших любимых шуточек – тем более, что сейчас ты не богатая туристка, проездом посещающая захолустные миры, а изгнанница без права возвращения, обремененная к тому же тремя зависящими от тебя дочерьми, которым тебя будет очень не хватать.

– Так вы не собираетесь их убивать? – ошарашено спросила я у этого существа – точнее, у того божества, которое говорило его языком, – я могу надеяться, что вы оставите в живых хоть младших, которые есть всего лишь дети, не совершившие еще никаких предосудительных с вашей точки зрения поступков?

– Дура! – захохотал его голос так, что у меня душа ушла в пятки. – Я же сказал, что не обидим ни тебя, ни твоих детей – если, конечно, вы не начнете тут развлекаться на свой дурацкий манер. Эти люди не будут причинять тебе зла только из-за твоих внешних расовых признаков, пока вы не сделаете того, что для этих людей совершенно неприемлемо.

При этих словах магическое сияние вокруг его фигуры – до того только чуть заметное – вдруг запылало ярким светом, став видимым даже в немагическом зрении, что означало, что мной заинтересовалась основная часть сущности того божества. О мать моя Шаб бин Ракам, смотрящая сейчас на меня из небесных чертогов, твоей дочери настал полный и окончательный конец, ибо из палящих объятий этого божества не уходил живым еще не один демм...

– А теперь, – продолжил грохотать в моих ушах голос этого бога, – я не буду называть тебя своей дочерью, ибо это пока не так; но откинь свой страх и подойди ко мне, чтобы я мог дать тебе свою милость, любовь и прощение.

– Знаю, как он отпустит мои грехи... Гореть мне синим пламенем, прямо здесь и сейчас, – подумала я, вся сжимаясь от страха, а ноги, будто против моей воли, сделали сперва один шаг, потом другой – и вот уже я, закрыв от ужаса глаза, стою совсем рядом со своей скорой гибелью. Я чувствую, как на голову мне опускается тяжелая рука, но плоть моя при этом не горит синим пламенем, как это должно быть по Канону от Азазели, вместо того всю меня наполняет нега и полное умиротворение, а за спиной будто распускаются белые крылья.

– Ну вот и все, – уже тише сказал мне тот же голос, – я дал тебе свою любовь и милость, простил за все, что ты вольно или невольно успела совершить, но вот отпущение грехов, извини, я тебе дать не смогу, пока ты не принесешь мне в руках свою душу и не искупишь все, что тобой было сделано ради ее спасения. За всю ту вечность, что сосуществуют наши миры, совсем немного деммов могли пережить встречу со мной, и еще меньшее их число нашло спасение и вечную жизнь в моих объятиях. Для остальных, как правило, я был карающим мечом правосудия, который настигал их, если они не успевали скрыться – и карал за все причиненное моим детям зло. Но на тебе и твоих дочерях нет печати зла, поэтому перед вами открыты все дороги, в том числе и та, что дарует жизнь вечную и спасение души.

А я стояла, чуть приподнявшись на цыпочки, будто хотела взлететь, слушала этот голос, и абсолютно ничего не понимала – почему я еще жива, почему не горю синим огнем, почему вместо боли от этого прикосновения испытываю волшебное блаженство?

Ответ пришел как бы сам с собой, когда ужасное для деммов божество сказала, что на мне нет некоей «печати зла». Я все поняла. Мой злой дядя (пусть Азраил сожрет его всего целиком, по отдельности разгрызая каждую косточку), изгоняя меня из принадлежавших нам миров, обязательно должен был разорвать мою связь с Азазелью, чтобы я не могла воззвать к ней о помощи. Ведь я все же высокопоставленная деммская дама из очень знатного рода, близкого к императору, и за свое спасение могла бы принести значительный откуп и погубленными в ее честь душами, и разными ценностями. Но теперь, когда эта связь разорвана, все это мне неинтересно. Для Азазели я умерла и – какова ирония судьбы! – возродилась здесь среди бесхвостых-безрогих только для того, чтобы попасть в руки известного врага всех деммов.

Раньше я считала себя опытной соблазнительницей, способной раскрутить на несколько сеансов «танцев» хоть самого императора, но теперь признаю свою глубокую ущербность в этом направлении. Наш старый враг куда опытнее меня в этих делах, и кажется, я начинаю таять от прикосновения его руки, погладившей меня по жестким от пота и пыли волосам. А рука его спустилась мне на шею и коснулась металла ошейника, что тут же рассыпался мельчайшими частицами... И я ощутила, как ко мне возвращается возможность пользоваться магией и открывается доступ ко множеству весьма специфических и весьма пакостных заклинаний, которые необходимы любой знатной деммской даме, если она хочет, чтобы ее уважали в обществе. Я огляделась по сторонам и мороз прошел по моей коже.

Женщина в золотой короне с зубцами, с самого нашего появления не проронившая ни слова и даже почти не изменившая позы, смотрит на меня с некоторым ожиданием во взгляде, и хорошим убойным заклинанием за пазухой. У женщины – мага-огня на языке явно вертится какое-то убийственное заклинание, в любой момент способное зажарить меня заживо. Еще один маг – мальчик, только готовящийся вступить в возраст отрочества, сжимает в правой руке черный кристалл, и я знаю, что из этого кристалла может неплохо шарахнуть... Спокойны только воин, стоящий рядом с аватаром высшего божества, и та женщина, что возлежит на кушетке. Мне кажется, что это оттого, что они нас поняли и приняли такими, какие мы есть.

Но все, кто беспокоятся, делают это напрасно – мне почему-то совсем не хочется пользоваться своими заклинаниями, сами они мне неинтересны, а их последствия для меня теперь не смешны, и даже отвратительны. Неужели такова цена прощения со стороны нашего исконного древнего врага? Но почему-то я не считаю ее чрезмерной – разумеется, если это прощение распространится и на моих дочерей, в противном же случае оно мне и даром не нужно.

– Твои младшие дочери, – сказал мне на ухо аватар, и эти слова обожгли меня будто огнем, – уже прощены той, что получила от меня на это разрешение. Позови сюда свою старшую дочь, и если она не боится, то тоже получит мое прощение, а если боится, то пусть и дальше ходит с ошейником, будто домашнее животное.

– Альм бин Зул не боится ничего, – расслышав своим тонким слухом этот разговор, заявила моя старшая дочь, – отойди в сторону, мама – и я либо буду прощена подобно тебе,

либо погибну прямо на месте, но никогда по собственной воле не буду носить на себе этот мерзкий ошейник. Я смиряю свою гордыню и отдаю себя в его руки, пусть делает что должно, и да случится что суждено.

– Весьма достойные слова, – сказал аватар божества и положил свою руку на голову моей старшей дочери, прикрывшей глаза в ожидании то ли чуда, то ли смерти.

Некоторое время ничего не происходило, а потом рассыпался в прах и ее ошейник. Дочь открыла глаза, потянулась, ощупала свою голову и немного капризно спросила:

– А что, разве подарив мне свою любовь и милость, ты не должен был убрать с моей головы это ужасное украшение? И хвост тоже, в нашем новом положении, кажется мне абсолютно лишним. Если нам придется жить среди бесхвостых-безрогих, то лучше быть полностью на них похожими, а не только наполовину, как сейчас.

Я уже испугалась, что аватар божества впадет в гнев и покарает не только мою капризную старшую дочь Альм бин Зул, но и все прочее наше семейство, но он только рассмеялся.

– Честь стать человеком, мои дорогие деммки, – сказал он, – еще надо заслужить, как бессмертные души. Впрочем, вы попробуйте стать для этих людей своими, не меняя основных своих расовых признаков. Поверьте – для тех, в чью компанию вы попали, внутренняя сущность значительно важнее всех внешних отличий. Если вы это заслужите, то они примут и полюбят вас такими, какие вы есть, а если нет, то вам не поможет никакое внешнее сходство с ними.

Служить?! На фоне того, что мы с дочерьми остались без защиты Дома, без средств к пропитанию, вдали от самой Родины и всех знакомых, поступить на службу в плотно спаянный боевой отряд, состоящий из цивилизованных существ – это не самый плохой выход в нашем положении. По крайней мере, я так думаю. Конечно, хотелось бы знать, на каких условиях мы можем заключить свой контракт, но это божество, насколько мне известно, не склонно ни к прямому обману, ни к тонкому лукавству. Если его аватар говорит мне «заслужить», то это значит, что такая возможность будет нам предоставлена. Нам – это потому, что моя старшая дочь тоже прошла полный курс военной подготовки, а обученный деммский подросток в бою может быть куда опаснее большинства взрослых половозрелых самцов бесхвостых-безрогих. Остаются две моих младших дочери, но женщина, возлежащая на ложе, явно готова за ними присмотреть, и они уже не отходят от нее, будто предчувствуя свою судьбу. Ну да, моя младшая отличается особой чувствительностью, и скорее не понимает, а воспринимает ситуацию. Недаром же она, не задумываясь, первой из нас бросилась к этой женщине и первой получила от нее свое прощение.

Но остается один вопрос. Как мы сможем служить, если мы не понимаем их, а они нас. Наверяд ли аватар возьмется всегда переводить наши слова, не говоря уже и о том, что служба с переводчиком – это ужасно неудобно для обеих сторон. Пока мы не решим этот вопрос, это будет не служба, а всего лишь игра в нее. Но вот я вижу, как мальчик-маг движением руки подзывает к себе мою среднюю дочь Тел бин Зул, и та, осторожно ступая, подходит к нему, показывая, что руки ее пусты и в них нет оружия, потому что мальчик окружен тяжело вооруженными воинами. Наверное, он их наследный принц, если не больше.

Мальчик жестом показывает, чтобы моя дочь опустилась на колени, ибо она почти на голову выше его – и кладет ей на виски свои ладони, из которых прямо в ее голову начинает струиться густая и клейкая, почти бесцветная магическая энергия. Я абсолютно не понимаю, что он задумал, ибо этот магический прием мне совершенно не знаком, но я ничем не могу ему помешать, так как вокруг меня столько силы – и магической, и грубого оружия, что я просто не успеваю спасти свою дочь, и мне только остается молить и того бога, к которому я иду, и тех, от которых я уже отеклась, о том, чтобы от этих манипуляций мальчишки с моей дочерью не случилось бы ничего дурного.

– О, Азраил и сестра его Азазель и ты, Всевышний, всемилостивый и милосердный, сделайте так, чтобы все обошлось, ибо нет для меня никого дороже собственных дочерей...

Не успела я договорить молитву (при этом Азраил с Азазелью были упомянуты в ней абсолютно зря от большого отчаяния), как мальчик-маг отпустил виски моей дочери, и та, чуть пошатываясь, поднялась на ноги, склонив перед ним свою голову. Потом вдруг они заговорили! И заговорили на их языке, а не на нашем. Удивлению моему не было предела. Если бы я знала, что он уже раньше проделывал нечто подобное со своими соплеменниками, то была бы немного поспокойнее – но все равно, я считаю, что вся эта операция представляла большой риск, и лучше бы он начал с меня, а не с моей милой дочери, которая, впрочем, обернулась и с довольно странной интонацией сказала:

– Мама, мама, мамочка, иди скорее сюда. Колдун Дим научит тебя своему языку. Совсем бесплатно. Поверь, это очень быстро и совсем не больно, только чуть-чуть неприятно от того, что потом немного кружится голова.

Пхе! Какая знатная деммская дама боится боли?! Боль – наш вечный спутник и лучший друг. Мы обожаем ее причинять другим, и вынуждены получать от нее наслаждение, когда боль причиняют нам. За возможность быстро выучить нужный мне язык я бы согласилась вытерпеть немного боли, если уж без этого совсем никак. Но если можно обойтись без боли, а риска при этом никакого, то я должна немедленно соглашаться, пока мальчик не передумал. Кстати, странное у него имя, в его роду случайно не было деммов вроде нас?

Когда я встала перед мальчиком-магом на колени, то мои глаза оказались почти на уровне его глаз. Такой уж у меня высокий рост. Чтобы ему было удобно и не требовалось тянуться к моей голове своими руками, мне пришлось опустить свой зад на пятки, а чтобы не было так страшно, прикрыть глаза и сосредоточиться на своих ощущениях. Когда на мои виски легли две прохладные ладони (у этих бесхвостых-безрогих температура тела градуса на полтора ниже, чем у нас, деммов), я приготовилась анализировать чужое заклинание, но была несколько обескуражена.

Это не было магическое заклинание в прямом смысле этого слова. В голове сперва мелькнули непонятные термины «драйвер», «последовательный интерфейс», «оперативная память» и «поисковая система». Я не успела даже попытаться понять, что это значит, как чужие слова потекли в мою несчастную голову сплошным потоком, то и дело разбегаясь по ней в поисках своих деммских близнецов. Отдельной кучкой стояли слова – сироты, то есть не имеющие своих аналогов в нашем языке. Их значение в разговоре я должна буду опознавать по контексту, или переспросив об их смысле – и тогда они тоже займут свое место в моем сознании. Природа всего процесса явно была магической, но построено все было так, что любой маг запрыгнул бы от ужаса на потолок. Тут явно чувствовалась рука какой-то технократической цивилизации с ее любовью к нулям и единицам, прямым углам и непересекающимся параллельным прямым.

Когда мальчик отпустил свои руки с моих висков, то я едва смогла встать на ноги, во-первых, потому, что все мое тело затекло, а во-вторых, от ной усталости, которую привнесла в мой ум сортировка слов. Но зато я теперь могла понять всех, а все могли понять меня – и это стоило очень дорогого. Теперь осталось пропустить через этот процесс самую старшую и самую младшую моих дочерей – и нам можно будет начинать новую жизнь.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Едва наши волшебники, боги, маги, колдуны закончили разбираться с нашими новыми рогатыми-хвостатыми и краснокожими знакомыми, как, точно по песне Высоцкого, начался галдеж и лай и только старый попугай громко крикнул из ветвей...

– Молчать, смирно, равнение на середину, – вот что он, то есть я, крикнул, потому что в таком хаосе абсолютно невозможно решить ни один вопрос.

Невозможно от слова совсем. Их – то есть вопросы – необходимо решать в полной тишине по мере поступления, поэтому говорить все должны по-одному, внятно и членораздельно. А ведь эта Зул говорила, что имеет полную подготовку офицера запаса своей армии. Странные же в ней должны быть порядочки, если все свои вопросы она пытается пробить криком. Не то что я собираюсь ей отказать, но сперва хотелось бы понять, чего, собственно, она хочет, потом принять у нее зачет по основным нормативам, (хотя с этим, судя по фигуре, проблем не будет), а уж потом решать, на какую должность и в каком звании использовать ее в нашем отряде, и из того должно следовать – в каком объеме должны быть исполнены ее личные хотелки.

Если у нас нарисуетя рота четырехвзводного состава, то у меня получится катастрофический некомплект взводных командиров. На эту должность можно ставить только Змея и с большой натяжкой Дока – и это все. Где взять еще двух взводных, я просто ума не приложу. Если эта Зул потянет на комвзвода, это будет просто замечательно, но судя по ее поведению здесь и сейчас, меня ждет глубочайший облом. В лучшем случае, это высококвалифицированный боевик-индивидуал, который всегда и везде работает только в одиночку или в составе маленькой и плотно спаянной команды, которая работает только на него одного. Тогда проблема со взводным продолжает висеть и пугать своей неразрешимостью, ибо больше никого на примете у меня просто нет.

Кстати, Кибела что-то уж больно хитро ухмыляется – возможно, знает кое-что об этих деммах, как и об уровне дисциплины. Или это у нее от общего ехидства в наш адрес, ведь раскрутили на материальный и человеческий ресурс мы ее нехило, а все ее вина, что вовремя не обнаружила крыс в своем собственном хозяйстве.

– Итак, – сказала она, вставая, – я рада, что с нашими новыми знакомыми все прошло благополучно. Теперь, поскольку все наши вопросы решены, и вы, пробыв здесь три дня и ни одной минутой больше, заберете в свой состав сто моих дочерей (и ни одной больше) по их собственному желанию, после чего удалитесь отсюда в какое-нибудь укромное место и приступите к подготовке того главного дела, ради которого все и затеяно.

– Да, – подтвердил я, – мы все так и сделаем.

– Тогда, – сказала Кибела, – позвольте вас пока покинуть. Встретимся перед заходом солнца, для того чтобы учинить допрос главных злодеев, решивших устроить переворот в моем храме и воздать им по заслугам. Терресий ваш, точнее Агнии (поскольку именно ее он пытался в первую очередь угробить), а тевтончик мой, ибо я хочу как следует порезвиться с ним, прежде чем он испустит дух. А сейчас опускайте штурмоносец на землю и выпускайте оттуда свой контингент – эти три дня новая-старая охрана и обслуживающий персонал храма вам полностью подчиняются. А сейчас до вечера.

И с этими словами Кибела поднялась со своего трона (который снова превратился в обыкновенное кресло) и растворилась в воздухе. Ну и ладно, у нас и без нее, собственно, хлопот полон рот. Со своими бы делами разобаться.

Какое-то время после ее отбытия стояла полная тишина, потом Анастасия, до того с каменным видом, выпрямившись, сидевшая на своем стуле, прижала ладони ко рту и сказала на койне что-то вроде «Ой мамочки, пронесло».

– Так, – тут же сказала повернувшаяся к ней Кобра, – давай, подруга, колись, кто ты такая на самом деле? Я девушка простая и наивная, но ни за что не поверю в сказку о простой служанке. Я еще тогда, в коридоре, все хотела тебя спросить, почему ты так сильно хочешь умереть, но времени тогда на это как-то не было. Давай, рассказывай, тут у нас, считай, и так компания специфическая подобралась, так что твой рассказ не будет для нас более удивительным, чем история очаровательных хвостатых-рогатых дамочек и девиц.

– Госпожа, – удивилась Анастасия, – вы считаете меня в своей компании – но как же так, ведь мы знакомы с вами совсем немного времени? А может быть, я какая-нибудь мошенница или воровка, обманом устроившаяся служанкой в этот храм, для того чтобы помочь моим сообщникам его ограбить?

– Ерунду, пожалуйста не говори! – поморщившись, резко ответила Кобра и указала на возлежашую на ложе Птицу. – Вот эта чертова сибаритка, которая валяется, когда другие сидят или даже стоят, на самом деле сильнейший маг разума – не очень опытный, но очень мощный. Если будет нужно, то она просветит тебя от пяток до макушки и расскажет нам всю твою подноготную, вплоть до имен всех твоих любовников.

– И вовсе я не сибаритка, – проворчала в ответ Птица, – магическое лечение – оно, конечно, магическое лечение, но нога у меня еще болит; если будет надо, я встану, пойду и даже побегу, но без особой на то необходимости мне не хотелось бы пока давать на нее нагрузку. К обезболивающим заклинаниям я тоже прибегать не хочу, потому что кто знает, вдруг у них такое же привыкание, как у наркотиков. Сколько людей становилось хроническими наркоманами, сделав себе один обезболивающий укол, за ним еще, за ним еще...

– Да, – кивнула Кобра, – я знаю минимум двоих великих, что таким образом пошли по кривой дорожке. Это Джек Лондон, которого я обожаю за его рассказы, и адмирал Колчак, которого презираю за то, что он полез в политику, ни хрена в ней не разбираясь.

– Вот именно, Ника, – кивнула Птица и добавила, – что касается просвечивания, ты же знаешь, как я это ненавижу. Это же все равно что публично изнасиловать человека. Но если будет очень надо, то я на это пойду. Но только если очень-очень...

– Госпожа, – обращаясь к Птице, произнесла Анастасия, – обезболивающие заклинания действительно вызывают привыкание, ибо по большей части они всего лишь имитируют действие некоторых лекарственных растений, обладающих подобным эффектом – например, сонного мака или веселящей конопли. И не надо, пожалуйста, просвечивания, я все вам расскажу сама, а потом вы сможете меня убить...

– Да что ты заладила «вы можете меня убить» да «вы можете меня убить», – в сердцах воскликнула Кобра, – с чего ты взяла, что мы вообще имеем желание тебя убить? Чего ты такого особенного натворила, что у тебя прорезался эдакий суицидальный синдром?

– Но как же, – удивилась та, указав на меня, – когда я попросила дать мне легкую смерть, господин кивнул, а значит, дал на это свое согласие.

– Нет, – сказала Кобра, – вы видали дуру? Ты представляешь, как мы там, пока дело было еще не сделано, дружно всей компанией уверяли бы тебя, что совсем не хотим тебя убивать. И смех и грех.

– Да, – обескуражено произнесла женщина, – об этом я не подумала. И хоть я чиста перед вами, но на моей душе лежит большой грех...

Мне уже, честно сказать, откровенно надоела вся эта бабская перепалка. Эта Анастасия ломается, как целка перед первым в своей жизни сексом, хотя заранее известно, что так или иначе – но она все равно даст. Ну не могут некоторые женщины без этого, хоть ты умри – и это ужасно в них раздражает.

– Нет такого греха, – меланхолично произнес я, – который не смог бы отпустить отец Александр после хорошей исповеди. И для этого совсем не надо никого убивать. Ведь правда же, отче?

– Правда, – кивнул отец Александр, – епитимью назначить можно, а убивать совсем нет. Не облегчают убийства души, а напротив – отягощают.

– Ну вот, – подвел я итог, – рассказывай, девушка, и лучше рассказывай правду чем ложь. Тут как минимум двое отличают правду от лжи, и не стоит испытывать наше терпение и отягощать свою душу враньем. Ну, что же, начинай, мы ждем!

– Значит так, господин, – глубоко вздохнув, начала свой рассказ Анастасия, – я и в самом деле не простая служанка-поломойка. Еще совсем недавно я была второй по старшинству жрицей в храме Текущей воды, расположенном на востоке. В том месте целая река падает в глубокий обрыв, и храм призван собирать эту бесполезно растрчиваемую силу и направлять ее для пользы госпожи Кибелы. А нам, жрицам воды, посвященным Артемиде, предписан обет безбрачия. В начале своего служения мы должны быть девственницами и сохранять свое девство до самого конца жизни, не вступая в связи с мужчинами. А я поддалась служившему в охране мужчине-соблазнителю и позволила ему нарушить свое девство, потом забеременела от него, отчего и бежала вместе с ним из храма Текущей Воды, а когда у меня начал расти живот и красота моя стала увядать, то мой любовник, не задумываясь, продал меня поломойкой в этот храм, а сам нанялся служить в местную охрану. Когда я родила, он приходил ко мне по ночам пьяный, бил меня, требовал чтобы я с ним снова спала, и угрожал отнять мою дочь. Теперь я сильно боюсь и его, и Артемиды, потому что богиня-девственница очень строго карает жриц-ослушниц, променявших ее на какого-то мужчину...

– Ну, – задумчиво сказал я, – если ты боишься мести Артемиды, то могу сказать, что сейчас ей немного не до тебя. Она учится по команде сержанта тянуть носок на плацу, чистить берцы ваксой и подшивать на ночь чистые подворотнички, чтобы с утра надевать их на свежую голову. Если не веришь, то можешь спросить у своей подруги Кобры. Именно от нее молодой боец Артемиды чаще всего получает взбучку за различные недостатки.

– Артемиды?! – испуганно переспросила Анастасия.

– Да, она, – подтвердила Кобра, – так что бояться ее теперь не нужно. Епитимья эта на нее наложена надолго, если не навечно, и скорее всего, она покинет этот мир вместе с нами, так что вы никогда больше не пересечетесь.

– И о своем бывшем любовнике ты тоже можешь больше не беспокоиться, – добавил я свои пять копеек, – вся наемная охрана нами полностью уничтожена, и храмовые рабы уже стаскивают трупы наемников к выгребным ямам.

– Господин, – Анастасия соскользнула со стула, бухнувшись на колени, – позволь мне тоже покинуть этот мир вместе с вами. Честное слово, я сильная, я много умею, могу для вас стирать, убирать и готовить еду...

Я, Кобра, Птица и отец Александр переглянулись. Колдуна тоже хотелось бы привлечь к этому безмолвному совещанию с мгновенным обменом мыслями, но он в это время любезничал со своей деммской ровесницей и в нашу сторону у него было ноль внимания. Ну и пусть, мальчик он и есть мальчик. Возможно, Анастасия ему кажется просто невзрачной серой мышкой, но «чуйка» внутри меня вопила о том, что это не так. Нужно было понять, кто она и что она, более подробно, а также какими талантами владеет и что умеет делать, кроме обязанностей чернорабочей женского рода, которых мы можем тут набрать пятачок за пучок. Все же было такое ощущение, что эта Анастасия не просто так себе Анастасия, но ничего конкретнее этого ощущения у меня пока не имелось, и у остальных то же самое. Одни смутные предчувствия. Просветить бы ее, но Птица наотрез отказалась это делать, упирая на то, что это не пленный враг. Возможно, она права, а возможно нет. Во втором случае мы узнаем об этом, когда менять что-либо будет уже поздно.

– Встань, Анастасия! – Кобра сказала это вроде бы и спокойным тоном, но от звуков ее голоса вскочила бы, наверное и мумия фараона Рамзеса II.

Начали у нее в последнее время, после обретения силы проявляться такие замашки, что от них хоть стой хоть падай. Ну вот и Анастасия вскочила, как будто в ее тощий зад воткнули хорошее такое шило.

– Очень хорошо, – кивнула Кобра, – будем разговаривать по-деловому, то есть коротко и ясно, без лишних слов. Теперь скажи – если ты была второй по старшинству жрицей, то наверняка имеешь особые способности?

– Какие, простите меня, госпожа, способности?

– Магические, – поправилась Кобра.

– Конечно, имею, – гордо выпрямилась Анастасия, – нельзя быть второй по старшинству жрицей, и не иметь магических способностей.

– Магическая специализация? – задала следующий вопрос Кобра.

– Стихии воды и воздуха, госпожа, – послушно ответила женщина, уже понявшая, что в нашем отряде посудомойкой ей быть не грозит, – вода меня слушается лучше, но и движением воздушных потоков я тоже могу управлять довольно неплохо. Могу устроить небольшой ураган.

– Не надо нам в этой комнате никакого урагана, – проворчал я, пока Кобра сдуру не согласилась. – Ты лучше скажи – сможешь сделать так, чтобы воздух прямо над этим храмом начал равномерно и не очень быстро подниматься примерно до высоты пятидесяти стадий. Только действуй осторожно, пусть скорость подъема начнется как у идущего пешехода, и постепенно увеличится до скорости бегущей галопом лошади, но не больше, а то устроишь нам тут настоящее стихийное бедствие. Сможешь?

– Да, смогу, господин, – ответила она, – а что, это должно быть что-то необычное? В храме мы таких упражнений не изучали, обычно перемещая воздух только в горизонтальном направлении.

– Увидишь, – отделался я односложным ответом, окончательно решив устроить этой Анастасии экзамен на профпригодность. Если у нее получится задуманное мною упражнение, то это будет весьма и весьма полезный член нашей магической команды, но об этом позже.

– Хорошо, господин, я начинаю, – кивнула Анастасия и, выгнув спину, развела руки в стороны.

Некоторое время ничего не происходило, но довольно быстро на окна пала какая-то тень, а занавеси на окнах колыхнул резкий порыв прохладного влажного ветра, как будто где-то неподалеку открыли дверцу в гигантский холодильник. Постепенно порывы ветра нарастали, шум ветра в вершинах деревьев перешел в сплошной протяжный вой, а по комнате загуляли ледяные сквозняки. За окнами потемнело настолько, как будто это было не утро, а поздний вечер, потом полумрак расколола вспышка яркой ветвистой молнии и послышался шум проливного дождя, стеной ударившего по территории храма и окрестностям.

– Нифига себе кондиционерчик! – сказал Змей, когда где-то совсем рядом в землю ударила еще одна молния и грохот громового разряда тяжело врезал по барабанным перепонкам. Все остальные, за исключением отца Александра и Кобры, привыкших и не к таким проявлениям силы, находились в состоянии полного обалдения.

Повелительница стихий же стояла, разведя руки и приподнявшись на цыпочках, в позе распятого Христа, напряженная до окостенения, и на ее лице выступили крупные капли пота. Гроза разыгралась не на шутку, и экзамен на профпригодность можно было считать сданным, а эксперимент успешным. Пора было выводить женщину из этого состояния и прекращать разгулявшееся явление природы.

– Все, Анастасия, – сказал я, для верности похлопав ее по плечу, – хватит поднимать воздух. Упражнение закончено.

Та вздрогнула, открыла глаза и опустила руки, не забыв утереть с чела пот.

– И что, господин, – спросила она, – у меня получилось?

Не успел я ответить, как в этот момент в комнату с террасы вбежала мокрая с ног до головы мадмуазель Волконская. Вода ручейками стекала с ее пилотского комбинезона и струилась по светлым кудряшкам. Было такое впечатление, что она не попала под дождь, а форсировала вплавь водную преграду.

– Черт знает что творится на улице! – возмущенно заявила она, и тут ее взгляд упал на деммку Зул, на голову возвышавшуюся над всеми нами. Челюсть у Елизаветы Дмитриевны

отвисла, глаза округлились; несколько секунд я любовался ее ошарашенным видом, затем она, бормоча себе под нос молитвы, принялась лихорадочно креститься, но Зул и не думала никуда пропадать. Вместо того в разных концах комнаты обнаружились ее копии поменьше, вплоть до того, что самая младшая деммка по имени Сул сидела на ложе рядом с Птицей и весело болтала ногами.

– Посмотрите, как испугалась эта глупая тетя, – серьезно сказала девочка Птице и спросила, – Анна Сергеевна, неужели мы такие страшные?

– Не обращай внимания, Сул, – с улыбкой ответила Птица, ласково поглаживая упругие черные завитки на голове маленькой чертовки, – она просто думает, что вы ей кажетесь – оттого и крестится. Минут через пять у нее это пройдет, и тогда с ней вполне можно будет иметь дело.

– Да, – презрительно фыркнула Кобра, – неужели можно быть настолько суеверной? Какие, простите меня, еще черти могут быть в присутствии самого отца Александра?

Правая рука мадмуазель Волконской сперва напряженно замерла в воздухе, потом бесильно опустилась вдоль тела.

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? – жалобно произнесла она, оглядываясь по сторонам, – отче Александр, неужели я сошла с ума?

– Нет, дочь моя, – серьезно ответил тот, – ты находишься в здравом уме, и тебе ничего не чудится. Позволь представить тебе Зул бин Шаб, знатную даму из очень далекого мира, где живут подобные ей существа, называемые деммками. Как ты видишь – ни у самой Зул, ни у трех ее дочерей нет ни копыт на ногах, ни свиных пяточков на лицах – впрочем, даже это по-настоящему неважно. Они такие же живые существа из плоти и крови, и так же смертны, как и все прочие, находящиеся в этой комнате. Не стоит тебе их бояться, Елизавета, дочь Дмитрия.

– Кроме того, – сказал я, – и сама Зул, и ее старшая дочь Альм поступили на службу в наш отряд, ибо они изгнаны из своего мира без права возвращения, а младшие девочки временно переданы под присмотр Птицы.

– Господи! – произнесла блондинка, устало опустившись в кресло, которое совсем недавно покинула Кибела, – как все это неожиданно, в конце концов... Тут эта гроза среди ясного неба, как на голову свалившаяся – шум, гам, ураган, гром, молнии, проливной ливень. Пока бежала от штурмоносца до дверей храма, то вымокла как выдра, да и нашла вас тоже не сразу. Прихожу – злая, мокрая, поминаю чертей – а тут раз и они сами собственной персоной. Кто-нибудь может мне рассказать, что тут, собственно, происходит?

– Если вы, Елизавета Дмитриевна, насчет грозы, – ответил я, – то это мы ставили небольшой эксперимент, который, кажется, полностью удался. Вот, знакомьтесь, наш новый боец специального взвода, мадам Анастасия, бывшая жрица храма Текущей Воды и квалифицированный маг стихий ветра и воды. Если эту девушку не сдерживать, а вместо этого объяснить физику атмосферных процессов и немного подкормить энергией, то она вполне может раскрутить полноценный тропический тайфун на все двенадцать баллов.

– А-а... – мотнула Волконская головой в сторону старшей деммки, – так это не они? А то я уже испугалась, что настал конец света...

– Нет, это не мы, – с каким-то свистящим акцентом произнесла Зул бин Шаб, – мы так просто не умеем. И конец света тоже не умеем. В древних книгах написано, что такое под силу только самим демиургам. Наша специализация – боевая магия и мелкие женские пакости. Хотите мелкую пакость?

Белокурая мадмуазель растерянно замотала головой, с опаской поглядывая на чертовок, разом растеряв весь свой аристократический гонор.

Кстати, в этой Зул настоящей древней аристократичности было куда больше, чем в Волконской – и это когда она одета в нелепый хитон не по росту, который она совершенно не умеет носить. Что же в таком случае будет, если одеть ее в бальное платье или деловой костюм? Думаю, что тут и рога с хвостом не помешают – получится один сплошной шок и трепет.

– Разумеется, не хотите, – правильно интерпретировала деммка этот жест, – вы, кстати, нас тоже напугали. В приличном обществе, Лиз бин Дим, не принято врываться в помещение и сразу же, с порога, выражать присутствующим свою острую неприязнь, желая им скорой, но мучительной смерти. Ведь так же надо было интерпретировать ваш жест, когда вы мотали рукой перед собой? А ведь тут есть маленькие дети...

– Мама, – почти без акцента сказала мелкая деммка, болтающая ногами, сидя на ложе у Птицы, – не надо ругать эту тетю, она добрая, только немного испугалась. Сама знаешь, сколько всяких ужасов про нас рассказывают. Не всем же быть такими храбрыми и сильными, как тетя Анна или тетя Ника. И тетя Лиз тоже нас полюбит, как только немного поближе познакомится с нами и подумает.

Мне даже стало немного жаль бедную княжну – настолько она растерялась и стушеввалась. Это ж надо – упрекнули в отсутствии хороших манер – и кто? Черт с рогами – вот кто. Ну, это она пока еще так воспринимает наших новых знакомок, а мы-то уже почти привыкли к ним, по крайней мере, знаем, что с аццким сотоной у них мало общего.

Словом, мама с дочкой – наши рогатые очаровашки – застыдили мадмуазель Волконскую до состояния полного нестояния. Ну, то есть та вообще забыла, с чего все началось. Действительно, мало ли у кого какой цвет кожи, форма носа, разрез глаз и окончание фамилии... Если само поведение персонажа не вызывает раздражения, то как максимум через две-три недели все совершенно забудут об особенностях его внешности, а при редких случаях встречи с посторонними еще и будут хвастать экзотичностью своего сослуживца. Так как Елизавета Дмитриевна тоже нашей, русской породы, то у нее этот процесс также будет иметь место, стоит только пройти первому шоку. Хотя, в первую очередь, как я ожидаю, деммка сойдется, скорее всего, с Коброй и заодно немного с Птицей, но никак не с мадмуазель Волконской.

– Кстати, Сергей Сергеевич, – поехала от холода блондинка, наконец отрывая взгляд от экзотической рогатой красотки, что учинила ей такую блестящую отповедь, – зачем вам понадобились стихийные бедствия, да еще в таком масштабе, чтобы сразу на двенадцать баллов? Кто вам так досадил, что вы решили покарать его столь чудовищным способом?

– А чтоб было, мало ли когда пригодится, – пояснил я и посмотрел на Анастасию, спросив, – скажи, Настя, ты сможешь просушить и согреть нашу Елизавету Дмитриевну? А то она может и немного простыть из-за устроенной нами с тобой грозы...

– Я устроила грозу? – удивилась женщина, – вы надо мной смеетесь, господин, ведь это доступно только самым могущественным магам.

– Устроила, устроила, – подтвердил я, – дурное дело нехитрое, особенно если хорошо представлять, как устроена эта атмосферная механика.

– Господин, наверное, очень могущественный маг и немного помог бедной женщине, – сложив руки перед грудью, поклонилась мне Анастасия и добавила, – просушить госпожу совсем несложно, и сейчас я это для нее сделаю.

Одновременно в комнате послышалось чуть заметное гудение, а вокруг мадмуазель Волконской закрутился небольшой вихрь горячего воздуха – эдакая персональная магическая сушилка. При этом было видно, что Волконской эта процедура нравится. Более того, струи воздуха, гуляя по ее голове не как попало, превращая ее в воронье гнездо, а выглаживали в волосах каждый локон, укладывая их в замысловатую прическу.

Тем временем гроза на улице прекратилась, утих шум ветра и только звуки сильного дождя возвещали о том, что процесс еще не завершился до конца. Вскоре стал стихать и дождь, а рассеивающиеся тучи снова пропустили к земле лучи жаркого местного солнца. Чем то это напоминало завершение той грозы, которая сопровождала наше появление в этом мире. Очевидно, сильный магический пробой ткани реальности вызывает не менее сильные восходящие потоки воздуха как в мире-доноре, так и в мире-реципiente, утилизирующих таким образом избыток энергии, необходимый для преодоления сопротивления покоя межмировых барьеров.

– Итак, – сказал я, подводя итог этой встречи, – в настоящий момент наше положение таково, что мы как можно скорее должны набрать свою роту из местных амазонок и покинуть этот храм, чтобы не стеснять в нем хозяев. Одновременно, я считаю, мы должны избавиться от того балласта, который мы взяли еще в разоренном тевтонами селении. Сегодня вечером, во время встречи с Кибелой, необходимо решить вопрос, в каком качестве мы сможем оставить при храме всех тех, кого таскаем за собой, только для того, чтобы высадить их в первом безопасном месте. Змей и Док, поговорите со всеми нашими ребятами и предупредите их, что время, когда я терпел их ППЖ, заканчивается. Или они вступят со своими женщинами в законный брак и пообещают быть с ними и в горе и радости (отец Александр им в этом в помощь), или пусть оставляют их здесь при храме. Я их не тороплю, но уже через три дня все должно быть решено, переигровок больше не будет.

– А как же их души, – спросила Птица, – пусть они маленькие и неразвитые, но ведь я же за них отвечаю.

– Души остающихся сдашь по описи Кибеле, – ответил я и обвел взглядом всех присутствующих.

Вроде реакция положительная, морду никто не кривит – все понимают, что в путешествии по мирам обоз с гражданскими для нас будет совершенно излишним. Да и вообще, хватит с нас и Птицы с ее гавриками, к которым только что добавилось двое, если не трое.

– Теперь о главном, – продолжил я совещание, – тренировки набранного здесь личного состава будем проводить в районе нахождения найденного мадмуазель Волконской контейнеровоза, что одновременно позволит нам и гонять личный состав, и пополнить обменный фонд. Кстати, тот же личный состав помимо формы тоже полезно было бы одеть во что-нибудь цивильное, и если этот контейнеровоз на самом деле перевозит разное барахло, то это барахло тоже пойдет в дело...

– Если надо, – сказала мадмуазель Волконская, к тому времени полностью просохшая, румяная, с затейливой прической – она была чудо как хороша, – то я могу прямо сейчас слетать к этому судну и произвести его первичный осмотр. Над водой штурмоносец висит так же легко, как и над землей, а опустившись на ее поверхность, может неограниченно долго оставаться на плаву. Ведь если груз этого корабля для нас бесполезен, то мы сможем и переиграть планы, выбрав для временной базы куда более приятное место, чем этот пустынный участок морского побережья.

– Да, – сказал я, – именно так мы и поступим. Штурмоносец со своей обычной разведывательной командой отправляется к найденному кораблю. Все остальные выгружаются здесь в храме, и нам необходимо обеспечить их приемлемое существование. Ответственный за переговоры с Кибелой – Кобра. Ответственный за прием амазонок – я и Птица. Ответственный за пополнение обменного фонда – мадмуазель Волконская. Ответственный за подготовку операции против херра Тойфеля – отец Александр...

– Сергей бен Сергей, – неожиданно сказала старшая деммка, – разрешите нам со старшей дочерью тоже участвовать в экспедиции к тому кораблю... Просто, если вы уверены, что он гружен этим самым, как его – барахлом, то нам тоже хотелось бы посмотреть для себя более цивилизованные одежды, чем это тряпье.

– Да, разрешаю, – сказал я, и, посмотрев на мадмуазель Волконскую, добавил, – скажи прапорщику Пихоцкому, чтобы старшим деммкам и мадмуазель Анастасии, как и положено членам нашего отряда, выдали полный комплект униформы, я перевел взгляд на Анастасию, – и кстати, Настя, прекрати называть всех «господин» или «госпожа». Теперь ты наш боевой товарищ и господ для тебя больше не существует, за исключением самого господ Бога. На этом все, товарищи. Разбегаемся по местам, работа начинается.

* * *

Тот же день, около полудня, Анна Сергеевна Струмилина

Ну вот, моя команда гавриков увеличилась еще на двух существ, требующих к себе заботы, ласки и внимания. И насколько крошка Сул чувствительна к малейшим переменам настроения собеседника (хотя сама не очень любит общаться, все больше наблюдает), настолько же средняя девочка Тел контактна и разговорчива. Кстати, Дима, который Колдун – он, в отличие от своего приятеля, с девочками настоящий бука, но юная деммка каким-то образом нашла доступ к его сердцу, и именно с нею он всегда весел и открыт. Впервые за время путешествия по этому миру мы услышали, как он смеется – и это весьма и весьма нас обрадовало. Димкин смех в буквальном смысле дорогого стоит, потому что в компании этой деммской девочки он перестал быть маленьким взрослым и снова стал обыкновенным ребенком, каким и был до попадания сюда. Нет, вру, не совсем обыкновенным, значительная часть их игр магическая, и мальчик довольно быстро прогрессирует.

Единственно, что плохо в этом деле, так это то, что большую часть магического арсенала деммских детей составляют мелкие пакости, которые они с увлечением делают друг другу, учителям и даже своей матери и ее брату, который в деммских семьях играет роль отца. Деммские дамы никогда не выходят замуж, вместо этого гуляя напропалую, как мартовские кошки, а детей при этом воспитывает семья: мать дамы (то есть для детей бабушка) и обязательный старший брат матери, который в деммских семьях играет роль отца. Все это я узнала от разговорчивой Тел буквально за первые полчаса знакомства, и думаю, что теперь мне многое становится понятным.

Например, то, что именно деммские секстуристы дали начало понятию о суккубах и инкубах – соответственно, демонах обольщения женского и мужского пола. И есть опасение, что эта Тел будет заигрывать с нашим Димкой... Надо будет с ней поговорить и убедить не заходить так далеко, а то мальчик на всю жизнь окажется помешан на роковых красавицах, брюнетках-вамп...

– Да, Анна Сергеевна, я все понимаю, – сказала мне эта чертовка, опустив глаза долу, – но Дим очень часто бывает таким грустным, сосредоточенным, что мне хочется доставить ему удовольствие, заставить радоваться и смеяться. Для нас – деммских девочек и женщин – это чувство на уровне инстинкта, поскольку наши встречи с лицами противоположного пола очень коротки, то каждая из них должна быть одновременно как яркий фейерверк и сладкая конфета.

– Но ты же понимаешь, – сказала я, – что Дима будет рядом с тобой еще достаточно долго? Сергей Сергеич объяснил нам, что подъем в верхние миры будет долгим и трудным, и мы все будем одной командой, пока мы не придем к себе домой. Быть может, этот процесс займет у нас несколько лет, а быть может, на него не хватит и всей жизни. А ты мне говоришь про какие-то мимолетные встречи. Как говорит капитан Серегин – куда вы денетесь от друга друга на нашей подводной лодке?

– Но, Анна Сергеевна, – сказала эта маленькая мерзавка, – очень скоро мне станет интересен совсем другой мальчик. Например, тот, другой Дим, которого вы зовете Митькой. Пока он меня не цепляет, но в будущем же все может случиться?

– За Митьку, – ответила я, – Ася тебе сразу все патлы выдернет и рога поотшибает. Ты не смотри, что с виду она такая девочка-скромница, на самом деле внутри у нее горит такой огонь, что мы и сами не знаем, чего она отчебучит в следующий раз.

– Я знаю, – серьезно кивнула Тел, – мне кажется, в ней есть солидная примесь нашей крови, одна восьмая часть или даже четверть. И не смотрите на то, что у нее нет хвоста и рогов, в школе нам говорили, что метисы с вашим видом – не знаю почему – никогда их не наследуют, как и наш цвет кожи. Взамен им достается все наше обаяние, ветреность, красота и

удачливость... Но все равно с настоящей деммкой ей не тягаться, я сильнее, умнее и привлекательнее ее...

И глаза юной чертовки на мгновение вспыхнули злорадным желтым огоньком.

– Только попробуй, – разозлившись, сказала я сквозь зубы, – и вылетишь из нашей команды, как дынное семечко из пальцев, где бы мы в тот момент ни находились. Власти и влияния у меня на это вполне хватит. Понятно?!

– Конечно, понятно, Анна Сергеевна, – сказала мне эта нахалка, широко, с выражением невинности и полного согласия раскрыв свои странные мерцающие глаза, – чего уж тут непонятного. Не буду я трогать вашего Митьку, не беспокойтесь, найду себе, если что, мужчину солидного и уважаемого. Например, кого-нибудь из взрослых бойцов. Все они мужчины хоть куда, обаятельны и привлекательны, в самый раз добыча для юной деммки... – и она хитро и по-взрослому усмехнулась.

– Тогда, – серьезно сказала я, – тебя выкинет сам капитан Серегин, и случится это так быстро, что ты и пискнуть не успеешь. И не говори мне, что он ничего тебе не сделает, потому что его обольстит твоя мама. Просто такое не под силу даже ей. Серегин относится к тому типу мужчин, которые женаты на своей работе, а все остальное для них постольку поскольку. Понятно?

– Понятно, Анна Сергеевна, – тяжело вздохнула рогатая-хвостатая мерзавка и мило, совсем по-детски почесала под правым рогом, – и я не хочу, чтобы это случилось. Но скажите – что же мне в таком случае делать, ведь слово «постоянство» уж точно сказано не про деммов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.